

ОТДѢЛЪ III. СКАЗКИ.

А. Оркинo.

Юрккs.

Ärä ä a-ščis vīca šā-ja i šāja-ūt ulñi-št šāja lä-pxsyvja. Son
ava ti-nä jaka-š vi-fij, a synet pekšne-nžä ze-mlaykas. Jaki jaki
figanit, ja-řenä teja, šinñi teja i sy mñ kij kuduy i mo-ra ze-
mlykanit va-kca čuva valgi-jñisa: «Šajä-lä-pxskin moñ, koñne-
beččen, tyñ panžy-dyja, tyñ liši-dyja; mon tyžk ava-žk. Vī-řca
a-lñiñ, jarcy-ñ ti-kšidä mñiñžy-nyñ tosa-, šinñiñ te-ffä mon
viki-lkskista, čudä lofcenem oda-rnyvam, oda-rnystyñt kopö-
lazu, kopö-lastyñt o-čkenes, očkenes-šenit ma-styray. Liščt

Сказка.

Жила была въ лѣсу коза, и у козы были козлята. Она каж-
дый день ходила въ лѣсъ, а ихъ заправляла въ землянку. Ходить
ходить по лѣсу, поѣсть, попить и возвращается обратно домой
и поетъ около землянки тихимъ голоскомъ: «Козляточки мои,
кормильцы мои, вы отойдите-ка, вы выходите-ка; я ваша мать.
Я была въ лѣсу, пошла травы, шела я воды въ ручейка, течетъ
моячка мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ
корытце, съ корытца на землю». Вышли козлята, высосали мо-

šajaläksnä, po-fež lofečne-nga i sva-se mä-kij. Pe-kšénja i me-řa: «Vady, iľa-dy pančt, värgi-z iľčidž maňa.». — «Apan-čtana, n-va». Šajalä tuš mäki-j viti-j, a värgi-z mafi-ža mo-ramša. Šaš sondežuza mä-jľa i karma-s to-ža mora-ma šajalä-ks, na äčki valgi-jša, i-šfaža: «Šajaläkskin mon, kořme-řečken, tyň iľi-dyja, tyň panzy-dyja. Mon tyřk avařk. Vi-řca uläi-ňa. A šajalä-ksnä to-sta pižni-t äľ-nga: «Kengc-iat ton, miäi-k ava-ľ avy-I iľa-ma valgi-jša; miäi-k ava-ň valgi-jša ču-viňa, ma-zyja, a toň äčkä dy ama-zyja. Tuš vä-řgizyš, mefe-žuza řek apa-ra. Šaji-ža kežénpačk i čovařyža točela-sa kefe-nga ču-viäi-sa i ša mäki-j šajaläksnyňi i karma-s taga-mora-ma ču-viäista: «Šajaläkskin mon, kořme-řečken, tyň iľi-dyja, tyň panzy-dyja, mon tyřk ava-řk, vi-řca n-ľiäi, ja-řcyň äi-kšidäľ miäiňžu-nyň toša, šimiň valla mon čndikilkskista, čndi lo-fečnem oda-řnyvam, odarasyřul kopö-tazyň, kopöta-šyřul o-čkeäes, očkeäe-štänč ma-štyřy». Šajaläksnä дума-šč i pnydyj, šty ava-st, kňkšidč pa-

лочко и вошла назадъ. Она заперла язь и говорить: «Смотрите, не отпирайте, не обманули-бы язь волкъ». — «Не отпиремъ, матушка». Когда пришла назадъ въ лѣсъ, а волкъ услышалъ, язь еще пѣла. Пришелъ послѣ нея и сталъ тоже пѣть по козливому, по грубымъ голосомъ, такимъ-же образомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отпирите-ка. Я ваша мать. Я была въ лѣсу». А козлята оттуда кричать ему: «Обманываешь ты, у нашей матери не такой голосъ; у нашей матери голосъ тоненькій, красивый, а у тебя грубый и некрасивый». Ушелъ волкъ, ему очень не по нраву. Излѣ въ ссрдцѣхъ и поострилъ на точилѣ свой языкъ очень тонко и пришелъ назадъ къ козлятамъ и началъ опять пѣть тонкимъ голосомъ: «Козляточки мои, кормильцы мои, вы выходите-ка, вы отпирите-ка, я ваша мать, я гуляла по лѣсу, я ѣла тамъ всякія травы, пила воду я въ ручейка, течетъ молочко мое по вымячку, съ вымячка на копыто, съ копыта въ корытце, съ корытца на землю». Козлята подумали, что и впрямь

zŷ i ardy t zeŷla-ŷkastyŷt. Še ška-nš vŷrġi-zŷŷ vŷši i poŷše-n-
ġa. Šajŷ-š sas, mora-š mora-š, šajŷlŷ-ŷksynŷn ŷst lŷst. Sou faŷl-š:
vanyk, vŷrġi-z po-ŷšenŷŷa i ura-kač. Kady-zŷ vŷrġi-ŷt i tuš vŷlŷ-j
ŷra-ma. ŷejga-k ŷra- ŷoŷa-jinynŷa ke-ca.

Joŷks.

ŷŷŷt ašcit ata-t ba-bat. Aŷa-n babaŷ a ŷġdŷ-st a kaksŷst. Tŷš
ŷlŷ-ŷš oŷe-n vŷdŷ-nŷ. Moŷ vŷr jutks, karma-š soka-ma, moŷ
ŷnŷy oŷt-nŷ. «Mon, ġeŷlŷ, ata, a-lašat šŷŷsa-». Sou ŷneŷi faŷŷa:
«uŷy, vŷšŷŷa ŷma-m sokasa». Oŷtŷeŷ mač krandaza-luŷ, uŷŷ, ŷardy
ŷma-š soka-vŷ. Rŷvŷškŷ moŷ. Kaŷŷksŷŷa a-ŷŷŷŷŷt: «Aŷŷŷŷ, a jaŷŷŷŷ,
uŷtŷeŷ ŷŷŷ-k ŷek?» A oŷtŷeŷŷ ŷneŷŷ aŷŷŷŷŷŷŷ: «ŷoŷt, ŷŷŷ-nŷ ŷek?»
A ŷŷvŷškŷ ŷneŷŷ: «Krandazyt ala ŷaŷŷ?» Aŷŷŷŷ ŷneŷŷ: «palč
peŷka». Rŷvŷškŷ ŷneŷŷ: «palč peŷka ulŷŷŷŷŷŷŷŷ, krandŷŷ

что ахъ мать, отперла дверь и скачутъ изъ земляники. Въ то время
волкъ всѣхъ ихъ и подулъ. Пришла коза, пѣла, пѣла, козлята
ей не выплаив. Она догадалась: видно, волкъ ихъ подулъ, и
разрыдалась. Она оставила лѣсъ и пошла жить въ деревню. И
теперь она живетъ у своего хозяина.

Сказка.

Живутъ проживаютъ старикъ и старуха. У старика и старухи
не было дѣтей. Поѣхалъ старичекъ съѣзъ озимъ. Приѣхалъ на
поляну, началъ пахать, подошелъ къ нему медвѣдикъ. «И, гово-
рить, старикъ, съѣзъ твою зомандъ». Онъ говоритъ ему: «подожди,
сначала вспашу свой загонъ». Медвѣдикъ легъ подъ телѣгу, ждотъ,
когда вспашется загонъ. Пришла лисичка. Спрашиваетъ старичка:
«старичекъ, а старичекъ, не видѣлъ-ли ты медвѣдника?» А мед-
вѣдикъ говорить старичку: «скажи, не видѣлъ». А лисичка гово-
ритъ: «что подъ твоей телѣгой?» Старичекъ говорить: «обгорѣ-
вый пепѣкъ». Лисичка говорить: «если-бы это былъ обгорѣлый

kāpi-dīvīk». A oftēnēs mēšā a-tīnīnti: «Kāpi-dimak eua. Kāpidižā atīnīs i piksty šulmy-šiza. Rīvi-škīs tagy. mōlē tagy kākšēni a-tīnīt ājsa: «Atīnā a jatiān, oftēnēs āzi-k nēk?» — «Ara-šo. — «A kraudajst mēžā?» — «Palc pēnka». — «Palc pēnka ulivildarāk, uzīt ājsy-nza čapy-dif u-rivis. Oftēnēs mēšā «čapy-č eua, čapy-č. Nu čapy-č uzīt ājsy-nza. Oftēnēs kudy. Rīviškīs mōlē atīnītij taga. «Nu, šej, mēfi, atīnā, koda pary-n banca-k?» — «Vot panca-», atīnīs mēšā, «san uma-nt varča-ma narvicka tuja-n tāt čipakabi-k». Mōlē kudup a-tīnīs. Tonzs šah kiska mē-šeks. Uskiza šanža rīvi-škinīti. Rīviškīs mōlē. «Tuji, mēfi, šā narvi-cku?» — «Tuji-ā, mēšā, ona mēšē-ksu». Rīviškīs karma-š jukšimā-nza. Kiskās koda naryčā rīviziūt šulga. Rīvizi arda nora-zynza, a kiskās mālgā-nza. Rīvīs kāni-čē noranīti summa, a kiskās oza-š nora-nt kraja. Rīviziš kākšēni šalimnza ājsa.

пелёк, ты поднимал-бы его въ телёгу». А медвѣдикъ говоритъ старичку: «Танъ подними». Старичекъ поднималъ его и завязалъ веревкой. Лисячка опять пришла, опять спрашивать старичка: «Старичекъ, а старичекъ, видѣлъ-ли ты медвѣдицу?» — «Нѣтъ. — «А что въ твоей телёгѣ?» — «Обгорѣлый пелёкъ». — «Если-бы это былъ обгорѣлый пелёкъ, въ него былъ-бы воткнуть товаръ. Медвѣдикъ говоритъ: «Такъ воткну, воткну». Ну, воткнулъ въ него товаръ. Медвѣдикъ околѣлъ. Лисячка опять приходитъ къ старичку. «Ну, теперь, говорить, старичекъ, какъ ты заплатишь за мой добрый поступокъ?» — «Вотъ заплачу», отвѣчаетъ старикъ, «придѣлать осматривать загоны, припесу тебѣ пашьду съ пылпнтами. Пришелъ старичекъ домой. Всунулъ въ мѣшокъ желтую собаку. Привезъ этой лисячкѣ. Лисячка пришла. «Принесъ-ли ты мнѣ спрашиваешь, пашьду?» — «Принесъ, говорить, вонъ въ мѣшокъ. Лисячка начала его развязывать. Собака какъ пусится за лисцей. Лисяца свачетъ въ свою нору, а собака на пѣю. Лисяца успѣла зайти въ нору, а собака сѣла у края норы. Лисяца спрашиваетъ у своихъ глазъ: «Глази мои, матушка, какъ вы смотрѣли»

Sālmūnā matuškiñn, koda tyñ vany-dā?» Šālmūnā mēret: «Vaydik jala, koda by a prams». — «Šēngis tūrk raman sālmūk-mis. Majl kaqkēni pilginza ajsa; «Pilgiñn matuškiñn, tyñ koda oznēdā?» — «Miñ oznē-nek, koda by šedi bojkašta ardymš dy šakañi apo-rgoms». — «Tyñdārk raman šēngis kēnne-ts. — «A ton, bulynñ, matuškiñn, koda oznē-?» — «Mon jala oznē-ñ, koda by pilgit troks pongoms i ton brauļ-ē ba, i kiškaš sad-vññ-jā ba». Son zajizā pulyñt fivi-škiš, noruva-ñt tonģežā uša-ḡ mēš: «na-, kufa, sāvi-ka. Son duma-š, arnš tosa kiškaš. A kiškaš kundzā puly-da i targe-žā fivi-ziñt kak. Sāvi-žā.

(Записано отъ Т. Учускнхой).

Ю ж к с.

Atit ašēit oftēnā dy fiviskā. Oftēnēš sala-š mēd bañnā, kudy-marc putyžā. Rīviskā mukšny-žā. Kušē peckalvyks fiviskā,

Лиза говорить: «Мы все смотрѣли, какъ бы не упасть». — «По той причинѣ я куплю вамъ очки». Потому она спрашиваетъ у нихъ: «Ножки мои, матушки, какъ вы молились?» — «Мы молились, какъ бы возможно скорѣе ускокаты и не понастья собаке». — «Какъ я по этой причинѣ куплю сапожки». — «А ты, хвостикъ мой, матушка мол, какъ молился?». — «Я все молился, какъ бы хвостъ между твоихъ ногъ я ты бы упалъ, и собака съѣла бы мѣ». Лисичка взяла хвостъ, высунула паружу изъ вѣры и говоритъ: «ва, кутя, съѣшь». Она думала, что тамъ лѣтъ собака. А собака схватила ее за хвостъ и вытянула и лисичу. Съѣла ее.

С к а з к а.

Живуть поживаютъ медвѣдь и лисичка. Медвѣдь укралъ наду-ру меду и поставилъ ее на подноку. Лисичка нашла. Влѣзла лисичка печку, свой хвостъ она просунула въ верхнее окно; удиряеть

pulyŋza vef valnava torgežā; valma-lē stuka· puly-syūt. So-
kortā: «Rīviskā, a rīviskā, adā babu-škaks». Soņē tagy otfēš
«otfē-šū a mēfā». Otfēš mēfā: «mā-šē zdā kortat? Āl mā
gīftā-n, stu-paj». Rīviskiš kāfās kšy-paēt i tūs. Moļē knūpa
mare, kušē. Karmaš mātīnt jarcā-ma. Peškeē ņaki-za, tū
māki-j. Otfēš kāuškūi-ā-jsynza: «koda ājdīk ņāniza?» —
«Ušytkškā, rī-viziš mē-fā. Nu ašči-s ala-mys, vačē tag
ņaki-za. Kušē tagy peckaharks, torgežā vēvalnava puly-
i kortā. taga: «rīviskā, rīviskā, adā babu-škaks». — «O-
tēni a mēfā». A otfēš mēfā: «māšē kāfē šādī-žē ņajnat; stu-
pāi mon gīftā-n?» Rīviskiš mēfā: «avy-ū geit vīks moļma.
Kāfā-s kšy i tūs taga. Moļē, jarcā-s taga. i suš māki-j. Otfēš
kāuškūi ājsynza: «koda ājdīk ņā niza?» A rīviskiš otfēša: «mā-
kavītkškā. Nu, aščiš tājš, tagy vačē ņaki-za, tagy kušē peckā-
harks, torge-žā vēvalnava pulyŋza i stuki-valūa-ūt taga: «rī-
viskā, a rīviskā, adā babuškaks». — «Otfēni a mēfā. Otfēš

въ окошко хвостомъ. Сама говоритъ: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушкинъ». Сама опять отвѣчаетъ: «медвѣдь не велитъ». Медвѣдь говоритъ: «что зря говориши? Нал и держу, ступай». Лисичка отрѣзала кусокъ хлѣба и пошла. Приняла на поднолку, вѣдала. Начала ѣсть мѣдъ. Неблизь, съѣла наладъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» — «Пачточка», отвѣчаетъ лисичка. Ну, побѣла немного, опять проголодалась. Вѣдала опять на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять говоритъ: «лисичка, лисичка, иди въ бабушкинъ». — «Медвѣдь не велитъ». А медвѣдь говоритъ: «что ты ломаешься? Ступай, иди я тебѣ держу». Лисичка говоритъ: «съ пустыми руками стыдно пойти». Отрѣзала хлѣба и опять ушла. Пошла опять, побѣла и пришла наладъ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя вашего ребенка?» А лисичка отвѣчаетъ: «Середочка». Ну, побѣла немного, опять проголодалась. Опять вѣдала на печку, просунула свой хвостъ въ верхнее окно и опять ударивъ въ окошко: «Лисичка, а лисичка, иди въ бабушкинъ». — «Медвѣдь не велитъ». Медвѣдь

bera: «māst kaļt ša-dižt tajūt? Ālā mon giſtan? Aza». Rīvišķis
heis: «čary ſet vīks mōlems». Kārās tagy. kšypāčt i tuš taga.
Mōš, oſtakšmūt ſāvižā, paſm-ūt šlāzi nardyžā, kārļaks koma-
tyžā. Sās tagy kudu-g. Oſtēnes kārķšnū ājsy-nza: «koda ajdžk
lān?» — «Šlakski nardaykskā, kārļaks komastupkšā». Oſtēnes
heis: «rīvišķā a rīvišķā, moņ māžm tag' ulā-!» Rīvišķis kārķšnū
ājsyza: «oſtēnā, māžt?» — «Moņ māž bāžm ulā?» — «A-š
lāji-š». Mōš čary paſm-š. Valks tosta. «E, rīvišķā, ton jala mēret
labuškaks, a ton, vanyk, māžmūt ſāvms jakšite. Nu rīvišķis božā
heis, mēra: «ara-š». Oſtē-nes mēra: «dava-j, vot kodama božba-
mā-šā: ſocka-ūt ušcy-žik i ara-tana gajgi ſockaūt karča.
Koma mādvāčt šā-rā?» Araš ſockaūt ka-rča. Oſtēnes aššis
aššis, ma-čidžs. Rīvi-šķis sāfai-š mādvāčt. Saji-žā, oſtēn aln
olka-žāžā. Štafyzā oſtēnūt: «Ata-jaly grēšē-t moņ lāxks. A

мыты: «что ты ломаешься? Или я тебя держу? Ступай». Лисичка
вздохнула: «съ пустыми руками стыдно пойти». Опять оторвала
кусек хлеба и опять ушла. Пошла, съѣла остаточекъ, вымыла
вытерла кадушечку и опрокинула ее на лубокъ. Пришла опять
к медвѣдѣ. Медвѣдь спрашиваетъ ее: «какъ имя нашего ребенка?» —
«Вымытый, вытертый, на лубокъ опрокинутый». Медвѣдь говоритъ:
«лисичка, а лисичка, что-то у меня опять вмѣстѣ!» Лисичка
спрашиваетъ его: «медвѣдь, что у тебя?» — «У меня есть каду-
шечка меду». — «Ступай принеси». Пошелъ — кадушечка пуста.
Возвратился оттуда. «Э, лисичка, ты все говорила (что хожу) въ ба-
рабашу, а ты, видно, ходила ѣсть мѣдь». Ну, лисичка божится,
шаркаетъ, говоритъ: «нѣтъ». Медвѣдь говоритъ: «давай, вотъ ка-
кѣ мы устроимъ божбу: выгонимъ исчку и станемъ противъ
шумящей пещи. Кто испражнится медовыми испражненіями?»
Ты противъ пещи. Медвѣдь постоялъ, постоялъ, заснулъ. Ли-
сичка испражнялась медовыми испражненіями. Взяла ихъ и под-
кинула подъ медвѣдѣ. Испражненія медвѣдѣ вошли подъ самое
брюхо. Разбудила медвѣдѣ: «Вотъ, неспрощаю на меня. А ты,

ton, hesak, tońe sáviķo. Oŭtónes mēřā.: «prosa-mak, lizi-ń fa-jak, kona škańā sū-ńińā». I karmā-šē mākī-ř řā-řca āfa-ma, nejgak āfi-ē.

(Записано отъ Т. Учуевкиной).

Южкс.

Nuŭt — nuŭt, ā-faŭt ā-šēiŭt ā-tat ba-bat,
Nuŭt — nuŭt, n-ińiŭt ā-řiń ba-bań kāńdā řāki řāřtińiŭt,
Nuŭt — nuŭt, nuđij ři-lgi čo-řeńest,
Nuŭt — nuŭt, řija ro-ga ska-luŭt,
Nuŭt — nuŭt, va-či pu-la bu-kińiŭt,
Nuŭt — nuŭt, řeřdā laxga sa-ras-kist,
Nuŭt — nuŭt, řej řeře-ksa n-tkińiŭt,
Nuŭt — nuŭt, tuŭt řej la-řguń ā-jdīst na-lkšīńā.

Čorēneš ky-řāfē, řijā nu-đij ři-lgiŭa, ā řāřtińiŭt praš, kēlę.

видишь, сажь съѣлъ». Медведь говорить: «прости меня, а ты замѣтлѣ, въ какое время я съѣлъ». И стали онить вмѣстѣ жить. И теперь также живутъ.

Сказка.

- — жили были старикъ и старуха,
- — была у старика и старухи дочка съ войлочнымъ животомъ,
- — сынчекъ у нихъ съ тростинными ногами,
- — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
- — бычокъ у нихъ съ измараннымъ въ г. . . хвостомъ,
- — курочекъ у нихъ жердь
- — уточки у нихъ на берегу рѣки,
- — дѣти ихъ пошли играть на рѣку.

Мальчикъ прыгнуть, сложалъ свою тростинную ногу, а дѣ-

kāndipa-kiza. Kaduṣṭ aṭa-tōu babatā ska-myst. Āri-t ka-vyūnist,
saś vā, saś tāt o-fa i karma-s morama:

Nuṣṭ — nuṣṭ, ā-rit a-ṣcit a-tat babat,
Nuṣṭ — nuṣṭ, ulūis śija roga skalnyst,
Nuṣṭ — nuṣṭ, vači pu-la bu-kiūnist,
Nuṣṭ — nuṣṭ, žerdā la-ṅga sa-raskist,
Nuṣṭ — nuṣṭ, lej befe-ksa u-tkiūnist.

Aṭās i mēfā babaṅgi: «Vanta, baba, koda pa-rūtā moṭcā.
Dava-j utkiū-tniū ma-scyūnik tānza». Ma-ksyž tānza. O-fteš sā-
vūja u-tkatūiū i tuš. Saś o-mbočā vā. Ofe-s taga saś, taga moṭcā:

Nuṣṭ — nuṣṭ, ārit aṣcit aṭat bnat,
Nuṣṭ — nuṣṭ, ulūis śija roga skalnyst,
Nuṣṭ — nuṣṭ, vači pu-la bukiūnist,
Nuṣṭ — nuṣṭ, žerdā laṅga saraakist.

умла, разорвал свой войлочный жилотъ. Остались одни—старикъ и старуха. Живутъ вдвоемъ, пришла ночь, пришелъ къ нимъ медвѣдь и началъ ѣсть:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь,
— — уточки у нихъ на берегу рѣки.

Старикъ и говоритъ старухѣ: «Посмотри-ка, старуха, какъ хорошо поѣвается. Давай, отдадимъ ему уточку». Отдали ему. Медвѣдь съѣлъ уточку и ушелъ. Пришла другая ночь. Медвѣдь опять пришелъ, опять поѣвается:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами
— — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
— — курочекъ у нихъ жердь.

Ačaš i duña: «Mašt nej řá-jnířana, baba? Davaj, nať, ma-raznyň ma-kseyňik». Sajiž, ma-kayž. Oftě-š sa-vínšl, tuš. Ša o-mbočá vā. Oftě-š tagy saš i karma-š tagy mora-ma.

Nuť — nuť, řit ašit aťat babat,
Nuť — nuť, uliš šija roga skalnyst,
Nuť — nuť, vači pula bukiňist.

Ačaš i babaš duňit: «Mašt nej řá-jniřana, baba? Davaj, ama-kstana». A oftěš tosty i mēřa: «Maks moranga ama-kstana. A-ty buvan, ty-ńeňik šāpřadyž». Sa-jiz vači puly bukiňik ma-kayž. Oftě-š sa-viža. I taga tuš. Čokšes tagy saš. Oftěš tagy saš, karmaš mora-ma.

Nuť — nuť, řit ašit aťat babat,
Nuť — nuť, uliš šija roga skalnyst.

Старикъ и думаетъ: «Что мы теперь едимъ, старуха? Давай, видно, курочекъ отдадимъ. Взяла, отдала. Медвѣдь съелъ ихъ, ушелъ. Настала другая ночь. Медвѣдь пришелъ опять и сталъ опять пить».

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами,
— — быченокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ.

Старикъ и старуха думаютъ: «Что мы будемъ теперь есть, старуха? Давай, не дадимъ». А медвѣдь оттуда и говоритъ: «Чего вы не отдаете по моей просьбѣ? А то войду, весь само съѣмъ». Взялъ бычка съ грязнымъ хвостомъ, отдала. Медвѣдь съелъ его. И опять ушелъ. Пришелъ опять вечеромъ. Медвѣдь пришелъ опять, началъ пить:

— — живутъ-поживаютъ старикъ и старуха,
— — была у нихъ коровка съ серебряными рогами.

Sajiz, makey z deingak. Sāvīzā teiga-k o-ftēs. Tagy tas vīti-ŋ.
maio-s sas, oftēs tagy moŋe i karna-s morama:

Nuŋt nuŋt, āraŋt ašeiŋt aŋat babat,
Nuŋt nuŋt, uliŋiŋt kādāi paki tāŋtūiŋt,
Nuŋt nuŋt, mēdij pīlgi čorēneŋt,
Nuŋt nuŋt, šija roga ska-hyŋt,
Nuŋt nuŋt, vači puly bukiŋiŋt,
Nuŋt nuŋt, žēdā langa saraskiŋt,
Nuŋt nuŋt, lej beŋe-ksa utkiŋiŋt.

Ma-zi ŋej, baba-, muksta-na lānga sāvīms? Aŋā-s mēfā; «toi
maksta-u; a baba-s mēfā: «toū maksta-n». Kuŋēt peckalazks,
mhyt. O-ftēs učyŋs učyŋs, su-vaŋ. Aŋā-s baba-ŋt koda-k pecka-
ta-ŋketa gro-ŋadīzā, a baba-s kunda-s vānāt pīa-kec i praŋt
ka-ŋiŋt. Ofteŋs sāvī-ŋzā ka-ŋiŋt i taŋ.

Взгля, отдали я эту. Съѣлъ и эту медвѣдь. Опять пошелъ въ
лесъ. Пришелъ вѣчеръ, медвѣдь пришелъ опитъ и началъ пѣти:

- — жили были старикъ и старуха,
- — была у нихъ дочка съ войлочнымъ животомъ,
- — сыночекъ у нихъ съ тростянными ногами,
- — коровка у нихъ съ серебряными рогами,
- — бычокъ у нихъ съ грязнымъ хвостомъ,
- — курочекъ у нихъ жердь ¹⁾.
- — уточки у нихъ на берегу рѣки.

«Что теверъ, старуха, мы дадимъ ему съѣсть?» говорить ста-
рикъ; «я отдамъ тебѣ; а старуха говорить: «я тебѣ отдамъ». Влѣзли
и пѣчу, сворить. Медвѣдь ждалъ ждалъ, вошелъ. Старикъ какъ
косъ старуху съ пѣчки, а старуха схватила старика за косы
(косы), и упали они оба. Медвѣдь съѣлъ ихъ обоихъ и ушелъ.

¹⁾ Т. е. столыко, сколько помѣстится на жердь.

Joŋks.

Ārā-št a-šēišt afa-t ba-ba-t. Afā-ū ba-baū ulū-š ēo-reūezī
tā-χtīhīza. Ārāšt ārāšt, ba-ba-š ku-lyš. Āχhī i vāsi-t tāfa-ūt kna
oda-va». «Tāfā-j, saχt oda-va, tāfā-j, saχt oda-va». — «Eχ, ā-jē
ūiū, saja-n da mēle-zērk avī par' n-īa». — «Pa-ra! saχt». Va
sajš afā-š oda-va, karma-št āra-ma. Ārāšt ārāšt, ava-š i mē
āfā-ūtī. «Aza-, durak, a-ta, juma-ftyt ā-jdīt. Še-sta karma-n ma-
ryt āra-ma. A bi-da ajumašcyt, aka-rma». Afā-š saji-ūšā ājdī-
i tuš vīriq mary-st. Uski-ūšā vīre. Muš pa-ra po-īana, ja-gyda
la-ma. «No, ājdūiū, kočka-da teak». Maksē tāt pa-rēiūt d
mon tuja-n o-na še-zēb. O-na še-sa karma-n vīri-ū Kāra-ma». T
i šulma-š ēufē žē-fda īl-ēgi vā-īdā. Varma-š pivā-, a žēdē
čufy-ūtī ja-la gajk gajk, gajk gajk. Syū kočka-t ja-gydat i d
mi-t, šty še-sa tāfa-št Kāfā- pūrk. Kočka-št kočka-št, čizy- b-

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи был
сынъ и дочка. Жили жили, старуха померла. Дѣти и проз
у отца мачехи. «Тятя, возьми мачеху, тятя, возьми мачеху» —
«Эхъ, дитятки мои, возьми, да вамъ она будетъ не по нраву» —
«Будетъ хороша! Возьми». Вотъ старикъ взялъ мачеху, в
жить. Жили жили, мать и говорить старику. «Иди, дуракъ, ст
рякъ, погуби своихъ дѣтей. Тогда стану съ тобой жать. А ма
не погубишь, не стану». Старикъ взялъ своихъ дѣтей и пошел
пни въ лѣсъ. Привезъ ихъ въ лѣсъ. Нашелъ красивую женщ
много ягодъ. «Ну, дитятки мои, собарайте здѣсь». Далъ имъ
знички. «А я пойду вотъ туда. Вонъ тамъ начну рубить лѣ
Попелъ и привязалъ къ дереву жердь за лыко. Вѣтеръ д
а жердь по дереву все стукъ, стукъ, стукъ, стукъ. Они собира
ягоды и думаютъ, что тамъ рубить ихъ отецъ дрова. Собра

poč. Syn dušt tātasty; močēt. Močēt šezēn, tīta-st ara-š. Šesa-
šēdik šō-rduš šu-lmaš. Syn fačāst, šty tīta-st kady-ŋjū i tušt vīr-
ga-štraznyž šijai-mā. Čijēt čijēt, mušt ku-dyūs; sua-šē kudyūnīti,
ma-šē — kija-k ara-š. «Dava-j tesk ma-šanaš, paša-š me-rū.
«Dava-j, me-fi bra-tiškaš. Mačt. Vny-t, sua-š ja-ga ba-ba. «A,
«jdiū, tyū ko-sta sy-dā?» — «Vīrcta, baba-j; tātanyk ka-
dy-miž. — «Nu, āfa-da moš ġe-ca». I syū karmašt āfa-ma.
Baba-š sa-jižā čō-rēnēt i kaji-zā a-ndumas i andā. ā-synza
šēšāi topda. Andā. ā-synza ti, kašta i ko-lma. Paša-za
maš čokaūžura i maksy-zā brači-škancty. «Na, brački-m,
«rda jagaba-baš tneš, daj surny-t va-rēasa, ton žc-sta čokaū-
«ryūt ma-kyk tūza va-favaš. Ka-dyk va-rēasye. Saš baba-š.
«čōram, daj-ka surny-t, va-rēasa, kuji-č āi āzi-č. — «Na, ba-
«ba-j, i jokstē-zā kurgy-zynza čokaūžū-ryūt. Su-škižā baba-š —
«algyda i noldo-zā tūākij. «Ara-š, čōra-m, bēfāšcta sprā-vīt. Nat

собрали, день смерся. Они пошли къ отцу; пришли. Пришли
туда, отца ихъ тамъ нѣтъ. Тамъ привязана только жордь. Они
решили, что отецъ ихъ оставилъ, и пошли бѣгать по лѣсу съ пла-
чемъ. Бѣгали бѣгали, пашли домижъ, вошли въ домижъ, вошли—
нѣтъ никого. «Давай ляжемъ здѣсь», говорятъ сестра. «Данай»,
говорятъ братишка. Легли. Смотрять, вошла баба-ля. «А дѣтки
мы, мы откуда пришли?» — «Изъ лѣсу, бабунка; пашъ оставилъ
ротъ вашъ». — «Пу, живите у меня». И они стали жить. Старуха
сала мальчика и бросила его въ кормъ, кормить его зернами отъ
кочеды, кормить его день, два и три. Сестра ваша кочедыкъ
изъ лѣтей и дала его братишкѣ. «На, братецъ, когда баба-ля
идеть, дай и попробую твой пальчикъ, ты тогда дай ей коче-
ды въ щелку. Пусть попробуетъ». Пришла старуха. «Сынъ
мой, дай-ка свой пальчикъ, попробую, пожирѣлъ ты или нѣтъ». —
«Нѣтъ, бабунка»; и супругъ ей въ ротъ кочедыкъ. Старуха уку-
сила — жесткій, и выпустила назадъ. «Нѣтъ, сынъ мой, ты
кого поправился. Должно быть, плохо ѣлъ. Ты ѣшь побольше.

so-pneuz-a i mēra-: «Nu ka, čora-m, matf kojnešt lažks pa-fēš. Čora-š i išta- i išta- pfauga kajši-sy, prok tarka-za a la-dū, prok p-šsi ama-štā madi-nā. «Da ton matf pa-fēš, čora-m». — «Ama-ana, baba-j. Ne-fieka toņē koda. Šesta morga-k ma-dan. I-šfa mada-n, koda- ton šefca-k». Baba-š i mēra: «Nu, kišt kojnešā-šf, non mada-m». Mač baba-š. I išta- kišniča-šs, prosta šaji-šs ki-fi-nā. Tāžti-fišs koda-k saji-zā ko-jnešt, koda-k a-čkstyžā pē-č-nāšf, za-slonešt pu-tyžā i kšūn kočerga-uga ūā-zidižā. Še to-sa a-šēk kn-fēnā karma-š: «Do-čam, do-čam, no-ldamak; valma ūā-ma šijān su-rkskūn ūā. Šēn toņāt ma-kscā». — «Ja, syfš pē-dma, še išta kak mo-š ūā». — «Ājdūn, no-ldemēž. Valmašf p-la moda po-ca zo-ločyny tabaki-rkam ūā, šēnka-k tyūā-žk ma-kscā». — «Ja, syfš vēdina, še išta ka-k mīni-k ūā». — «Ko-i-šēščēn, no-ldemēž: kārķš po-rōg nla zolota ku-kšnym ūā. Šēnka-k tyūdžk maksā». — «Xa, še išta ka-k mīni-k ūā. Sa-šf tabaki-rkašt i zolota-kukšinyšt i tušt. Mošēf mošēf, fa-čāš:

«Лягу лягу и говорить: «Ну-ка, сынь мой, ложись хорошенько на лягу». Мальчикъ кидается и такъ в такъ, словно мѣсто не подходитъ, словно вовсе не умѣетъ лечь. «Да ты ложись хорошенько, мой сынь». — «Не умѣю, бабушка. Покажи-ка ты сама какъ. Тогда я лягу. Лягу такъ, какъ ты показеешь». Старуха и говоритъ: «Ну, держи ручку лягаты, я лягу». Легла старуха. И такъ она сплелась, просто сдѣлалась клубочкомъ. Какъ схватила дѣлушка лягату, какъ выпрынула ее въ почку, поставила заслонъ и заперла его желѣзною вочергой. Та начала тамъ только сто-матъ: «Дочка моя, дочка моя, отпусти меня: подъ окномъ у меня есть серебряное колечко. Я дамъ его тебѣ.» — «А, старая вѣдьма, но я такъ буду тебѣ мѣнѣ.» — «Дѣточка моя, отпустите меня. Подъ оконкомъ въ землѣ у меня золотая табакерка, и ее я дамъ тебѣ.» — «А, старая вѣдьма, она и такъ будетъ каца.» — «Нор-щны мой, отпустите меня; подъ двернымъ порогомъ у меня есть ушникъ золота. И его я вамъ дамъ.» — «Ха, онъ и такъ будетъ шнѣ.» Взявъ они табакерку и кувшикъ золота у ушн. Шл

šijañ su-ŕkskiñt sta-ŕtyž¹). Čo-roněs i me-ŕā: «moŕa-u, saja-a, Mu-ŕdaš. Sna-š ku-dyñti, va-nā. A kudga-ñt tombamia-ŕga ku-ŕ-čū-dā jagahaba-ñt ā-sta, Čorě-ñes i duñā: «vanta-, son su-ŕym sañā. Poč-tomu son pek tañti-j. Nuka mon va-ŕčasa sonja ku-jaŕga». Ko-ma-š i nola-š o-jdenja i ŕaji-ŕš šā-jāiks. I tušardy-ž. Arč virga pa-tanety. Pa-ŕā šā-jāiks. Paŕā-za va-nā: «Ko-sta te šaji-ñis, koda myška ma-zyje; a šajiñis karčyzy-ŕga a-vnŕdā i pa-ŕā. Paŕā-š tañti-č. «Ež ež, te braty-m». Nu ŕajāi-ma a ŕiñšt. I tuš ma-ŕynja. Moŕēt moŕēt vi-ŕga, ĩśēt pokš ki la-ŕks i moŕēt kija-va. Syñō a-zyd ku Vany-č, kuŕčēt ež ā-zyt i saji-ž šaji-ñiñt i ŕyžti-ŕiñt ma-ŕy. I tušt; moŕēt moŕēt, sašt gorōc i karma-št tava-ŕyst ā-sa miksāi-ñā. Mikšāi-č. Šija-ŕuta-š še ja-ga ba-bañt ŕyžti-ŕiza i ĩeje-š še šā-jūiūt. Moŕēt mŕiŕi-nety i meŕā ŕā-ŕga: «Aža, ŕamič o-ŕa ĩ kuŕčēñē ŕaji-ñist; ža-ŕa ĩa ma-kst, nu saji-k». Še tuš. A ka

1) istuŕtyž.

шли, хватились: забыли серебряное колечко. Мальчик и говорить: «пойду, возьму». Вернулся. Вошел в дом, смотреть: а по дому сь шестя течет жиръ изъ бабы-яги. Мальчик и думает: «смотря-ка, она съѣла мой палецъ. Поэтому она еще сладкая. Ну-ка попробую ее жиръ». Нагнулся и лизнул ажъ жиру и съѣлся козленкомъ. И пошелъ яскачь. Праскакалъ и лѣсу къ сестрѣ. Блещетъ какъ козленокъ. Сестра смотритъ: «куда этотъ козленокъ, какой красивый», а козленокъ въ стаѣ ой плачетъ и блещетъ. Сестра поняла: «Эхъ, эхъ: это братъ мой. Ну, дѣлать нечего. И пошла съ нимъ. Шли шли лѣсомъ, вышли на большую дорогу и идутъ дорогой. Они сами не знаютъ куда. Видать, купцы идутъ къ нимъ, и изили они козленка и дѣлать съ собой. И пошла; шли шли, пришли въ городъ и начали продавать свои товары. Продають. Тамъ проходила дочь той бабы-яги и увидѣла этого козленка. Пришла къ своему мужу и говоритъ ему: «Ступай, купи козленочка вонъ тѣхъ купцовъ, сколько не дать, но возьми». Тотъ пошелъ. А она и думаетъ

doma: «Še šaji-nis, vany-k, moŭ ava-n juma-ftyža». Še mi-ža ša-jiniŭt, vo-teža ku-duy. Še varči-ža: ava-za pidi-ŭ; sa-ža ke-žon pač i pački-ža ša-jiniŭt. A fažgi-rnis nejga-k ōra-ŭjara-vaks.

Южкс.

Aŭa a-štā do-va ba-ba. Dova bubai kolma fažgiŭza. Inazyr-ŭzyŭ kuly-s koža-jkaza. Doyababa-ŭ fažgiŭna bakulit. Pokšes se-ŭa: «Kyba moŭ inazyrbas sajigŭniŭ koža-jkaks, ŭažki suskumsa ni Rašejanza fažgiŭna». A ombó-čes mefa: «Kaby moŭ saji-ŭniŭni, ŭki koč loškótca ŭši Rašejanza očaŭniŭna. A kolmočes mefa: Kaby moŭ zajigŭniŭ inazyrbas kožnikaks, kolmy fakska kängaf-ŭa čora čačauŭni, čit koč koŭasyst, kšnikočkaŭat, kšŭ gaŭymt, ŭk tapardaŭ kumaŭžat». A inazyrys še škaŭa kuleynys kšŭkš

«Мать попроситъ, видншь, погубилъ мою мать». Тотъ купилъ ко-
шма, привелъ его домой. Та попробовала: это испеченная е-
да, схватила она его въ злости и зарѣзала козлышомъ. А дѣвочки
теперь живутъ какъ барышни.

Сказка.

Живетъ-поживаетъ вдова старуха. У вдовы старуха три до-
чери. Увара померла жена. Дочери вдовы старуха болтають. Стар-
уха говорить: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я однимъ ку-
шомъ накормила бы всю Россію». А вторая говорить: «Если бы
царь взялъ, я однимъ лоскутомъ подотпа одѣла бы всю Россію». А
третья говорить: «Если бы царь взялъ меня въ жены, я въ три
мѣсяца родила бы дѣвнадцать сыновей, на лбу у нихъ солнце и
луна, желѣзные пятки, каменные темляки, колѣни обернуты про-
рочной. А царь въ это время слушалъ позади двери. Услышалъ вхъ

udala. Mariõža kortansta. Šeñ sajizā kožajkaks. Kapi-č vojna-
inazyrba-s tuš vojna-g. Še škañž bahazy stardayš čačta-ma,
ki-skast karma-š šajksija-ma. «No, tait babu-ška». Čačta-š in
čo-rat. Ki-skas šajksijaš inli šajkst. Ažni-š čit košt koča-ga.
kšničkočkarat, kañ gasynt. Babuškañt inefc apara. Vučki-žža in
inñ elezē-ža. Šatgi-č, lišc uša-g mary-st. Šaigi-č: tieki čit
peřguñčiki, po-jte pe-šni rusali-inški, na-fe vam gasfi-ñčiki. Ažni
tājijšt ficaks i lišta-št, a kiska šajksyñ suvařtyžža babuškañ
putyžža inazyravañt vakse. Kučči inā-zyryñti šorma-, šty peřva-
nyj babat čačta-š inli kiska šajkst. Sas inā-zyrys kudu-g, šolā
inazyravañt ajsa: «yvalica, inefc, kāmgařtuva čo-rat čačta-š,
nej, vanyk, kāmgařtuva kiska šajks šajksyjat». Inazyravaš inefc
tažga: «Leřenāřa-j eřčo-čačta-ma, še po-rastyñt ila tuk ko-nyñ.
Pāki-jaš taga.. Sas čačta-ma po-řaza, řagy- tuš inazyrys vo-jna-
Son ta-gy karma-š čačta-ma. Tāřliž dāgy še babu-škañt. Čačta-

во время разговора. Ту онъ вошелъ въ жены. Подиалась вѣнъ.
Царь пошелъ на войну. Въ это время жена его собралась ро-
дить. И собака ихъ собралась щениться. «Ну, зови бабушку.
Родила четырехъ сыновей. Собака щенилась четырьмя щенками.
У дѣтей на лбу солнце и луна, желѣзные пята, каменные
мяки. Бабушкѣ по допрималось. Положила дѣтей въ возокъ.
Крыкнула, вышла съ ними царюжу. Крыкнула: ештычкы, ештычкы,
пергулчички, пойте пѣсни Иерусалимскія, нате вамъ гостищички.
Дѣти одѣлались птицами и полетѣли, а бабушка внесла въ вѣнъ
щенить и положила ихъ около царяца. Они послали царюшка
что хвалася твоя жена родила четырехъ щенить. Пришелъ
царь домой и бранить царяцу: «Ты хвалилась, говорила: я родила
двѣнадцать сыновей; а теперь вотъ, ты щенилась дѣтьми
пятью щенками». Царяца говорить ему: «если придется
родить, на ту пору нигдѣ не уходи». Забеременѣла она снова.
Пришла пора ей родить, опять ушелъ царь на войну. Она
начала родить. Позвали опять ту бабушку. Родила опять жену.

aga-ava-š. Kiskaš tagy. Ľũksy-jaš. Tagy. ba-buškaš vačkĩdũa
deze-nga. Šaŕgi-č tagy i-šta. Āġĩi. řajĩšć tagy. ti-caks i Ľĩfĩšć
tagy. Son tagy. suaŕtyũũa babuškaš Kiskašũksnyũ, tagy putyũũa
kazy-nga. Saš tagy. iĩa-zyrys. Ĥek melezẽnga apa-ra. Xofel
ĩta-mynũa iĩazyra-vaũť, no kadyža cšćo-čaitamy-nga. Ĥaki-jaš
ma. Saš tagy. čačta-ma pora-za. Iĩazyrys tũš tagy. vojna-p.
ka dagy stardagš čačta-ma. Tagy řař-diž že ba-buškaũť. Čačta-š
tagy iĩfi čo-rat. Kolmótĩa čĩ koũ ma-řtyt, a řa-řkiš išta pro-stej
pomaũ. Kolmótĩeũ putyũũa tagy. eřezẽ-nga ba-buškaš, Ľĩfĩũũa
ma-řta-ga. Šaŕgi-č tag' i-šta. Ĥaji-řć tagy. ti-caks i Ľĩfĩ-šć tagy.
et-jũũť kady-ža avaũť yakse. Kiskašũksnyũ kolmótĩeũ suaŕtyũ-
a. Kačćĩĩa-zyryũťi šorma-. Saš iĩa-zyrys. Iĩazyra-vaũť řĩgĩdĩdĩa
bořas čorẽ-řeũ maryũa i řa-řki Kiskašũ-řks. Bořaũť noldẽ-ža
mořas. Ujĩũ- ředga-ũť bo-čkas. Čorẽšes karma-š korta-ma, čbũ,
řař, ava-j, kaby řeřepazyš pokš varma- nolda-vyř, iĩiũi-k ba val-

баба опять оценилася. Опять бабушка положила ихъ въ свой
подолъ. И крикнула оный такъ же. Дѣти оный сдѣлались пти-
цами и опять полетѣли. Бабушка оный внесла (въ пазу) щенягъ,
и опять положила ихъ около пеп. Пришелъ опять царь. Очеоу ему
и повравилось. Хотѣлъ кланить царяцу, но оставилъ ее еще
въ родити. Она забеременѣла оный. Оный пришла пора родити.
Царь оный ушелъ на войну. Она оный собралась родити. Оный
оставилъ ту бабушку. Опять родила она четырехъ мальчишковъ,
и съ солнцемъ и луной, и одиѣ такъ простой человекѣ. Трои-
ца бабушка опять положила въ свой подолъ и оный ихъ вы-
несла на дворъ. Оный такъ же закричала. Сдѣлались они оный
птицами и оный полетѣли. Того ребенка она оставила блять ма-
тушка. Внесла трехъ щенягъ. Послала царю писемко. Пришелъ
царь. Онъ заколотилъ царяцу вѣстѣ съ сыномъ и однимъ щен-
комъ въ бочку. Бочку пустилъ въ море. Плаваешь бочка по водѣ.
Скажи стагъ говорить: — «ѣдь, говорить, матушка, если бы
какой-нибудь пустилъ большой вѣтеръ, насъ выбросило бы волной

Jašis šte-nas. Kulcyny, māsť kortā-i izvoščeknā. Vāžki-s i mēfā-
 ro-šēkes: «Mūji-n dīva-t ņe-jenek! Iša-k juty-nīk mofa bēfo-
 mēt, arašil mādžija-k, a tečā-juta-tann— ašēit go-rnēcat ņeskan-
 nej mazy-žō. A ba-buška. ba-baš mazy-rynt keca kuzarkaks
 vi. I korty fast: «Nēf uš i mū-jin dīva-t. Mon zo-dan dīva-t.
 Et tyk nēf dī-vat: dīkyj štepsa, pu-sta pa-kšasa tua ņe-fcēnza
 mē, pīfsy-nza vīdā, pulysynza izā. — vot še tyk dī-vas». Co-
 mēš mār-žā še va-lynt. Saš knduy do-sta i mēfā avnuty: «mā-
 i dīva-t jošē-št to-sa. Vot dīkyj štepsa tu-a, i sošē sokā i vīdā-
 jia. Kyby še mībānīk, a-vaj, do-stat. Ava-s mēfi tā-u-za:
 dosta, a-jōnīn, še mīndānīk dosta-t?» — «Mon mofa-n, ava-j,
 mīnī-sa. Tuš i mūji-žā. Pañi-žā kudy-et vakse, karma-fyžā so-
 na-ma. Juty-ē tagy-izvo-ščeknā. Son tāji-šs tagy karuynīks, valks
 agy-čepka-zyšt. Tuš tagy- ma-ryšt, suns mazytyñ gne tagy
 ma-ryšt. Izvo-ščeknā tagy- kortō-t: «Vot, mēfēf, dīva-tiā: kona-

на дочь. Спустился на стѣну. Слышаешь, что говорить изво-
 зчикъ. Однѣ извозчикъ и говорить: «Что за чудеса мы видѣли!
 Вчера мы проѣзжали по берегу моря, ничего не было, а сегодня
 рождается, стоятъ горы, неслыханно красавили». А бабушка
 пришла живеть у царя купчихой. И говорить имъ: «Это ужъ
 не на чудо. Я знаю чудо. Вотъ это такъ чудо: въ дикой стени,
 въ пустомъ полѣ свинья нашеть рыломъ, ушами съѣсть, хвостомъ
 прокуеть—вотъ это такъ чудо». Мальчикъ услышалъ то слово.
 Пошелъ оттуда домой и говорить своѣй матеря: «что за чудо
 слышали тамъ. Вотъ въ дикой стени свинья и сама нашеть и
 съѣсть и боронуетъ. Какъ бы намъ это достать, матушка». Мать
 говоритъ ему: «Откуда, дитятко, намъ это достать?» — «Я пойду,
 матушка, пойду». Пошелъ и пошелъ. Пригналъ (свинью) къ ихъ
 дому и заставилъ ее пахать. Проѣзжаютъ опять извозчики. Опъ
 опять обернулся въ избушку, спустился опять на ихъ палики. Опъ
 пошелъ съ ними, пошелъ опять съ ними въ царскій домъ. Извоз-
 чикъ опять говорить: «Вотъ, говорить, чудо: свинья, о которой

tu-vyñt tosy jo-fñeñk, še ja-k uš to-sa». Še n-vaš tagy. ñeñt.
«še a mñ-jññ ñiva. Vot mon jofta-n ñiva:; «ñikyj šte-psa e-ññ
kñnga-ftuva vaša mñlga-nga ja-ka, ġriva-st puly-st zolotoŷñ
Čorè-ñeš mari-ñŷa i tuš kudu-ñ da-ga. Avañetjy kortā: «laga-
avaj, mari-ñ ñi-va: ñi-kyj šte-psa e-ññ, kñngaftuva vašy mñlga-
ga, ġriva-st puly-st zoloto-ŷñ. Mon moñ-n, ñeñ gak tej dusy-ñ. Te
i pañññŷa tej. Noldèñŷa moñ-ñ be-fekka. Izvo-ščekññ tagy-juty.
Son fñ-jññ tagy karñññks i tuš tagy- maryst. Suvaš tagy ñññ-
ryñt kue. Valks tagy- šte-nas. Izvo-ščekññ kortè-ñ taga: «ñ
ñiva-ññ! Kona e-ñññt joññ-ñk teša, še jak uš synet keca-ñ.
ñaba-ška baba-š tagy- ñeñt: «še a mñ-jññ ñi-va. Vot mon jofta-
ñi-va: ñi-kyj štepsa že-mññka, tosy že-mññka kñjaksynñt
jo-lók, pològññt lañksa kññññkññ ča-ra; nalksi-ñ ka-rtasa, kñ-
kočknññt, kñğasymt, ñks tapardñ gññññŷat, čit koñt koñe-
Čorè-ñeš mari-ñŷa taga- i tuš kudu-ñ daga-ñ. Kortā-ava-ññ-

ны рассказывали здесь, и та улет тамъ». Та женщина опять
говоритъ: «то никакое чудо. Вотъ я расскажу чудо: въ дикой степи
ходить кобыла, а за ней двѣнадцать жеребятъ, гривы и хвосты
золотые». Мальчикъ услышалъ это и пошелъ опять домой. Гово-
ритъ своей матери: «опять, матушка, и узналъ чудо: въ дико-
степи ходить кобыла, а за ней двѣнадцать жеребятъ, гривы и
хвосты золотые. Я пойду и ихъ приведу сюда». Пошелъ и при-
везъ ихъ сюда. Пустилъ ихъ по берегу моря. Извозчики при-
дѣли опять. Опъ обернулся опять въ мушкету и пошелъ съ ними
опять. Пошелъ опять въ домъ цари. Спустился опять на стѣну.
Извозчики опять говорятъ: «Вотъ чудо! Кобыла, о которой
здѣсь рассказывали, и та улет у нихъ». А старуха бабушка опять
говоритъ: «это никакое чудо. Вотъ я расскажу чудо: въ дико-
степи земляника, таъ на полу земляники постланъ полòт, на по-
лу одиннадцать мальчиковъ; играютъ въ карты, желѣзные
боры, каменные темечки, колѣния обернуты въ проволоку, и
у нихъ солнце и луна». Мальчикъ услышалъ опять и пошелъ

«Ej, avaj, mǎji-n diva-t mati-n. Di-kyj šte-psa ze-milǎjka, ze-milǎjka ki-jakseynt acaf polók, pológent laŋksa kǎvižkijǎ čora mǎji-t ka-rtasa, bič koft koŋa-systa. Ava-s i meŋa: «Net a-jdñiu, mǎ braty-t sama-j». — «Mon, ava-j, zynet kak dosta-nn? Pañt šš vcezet kǎvižkijǎ šu-kyro. Pañt avas kǎvižkijǎ šu-kyr, saji-nǎ čorénes šukyrynyñ, tuš mary-st, muji-žǎ ze-milǎ-ŋkañt, pañžižǎ šakšingǎ, kǎvi-ré vǎžki šuky-r. Sajizǎ vǎžki čoras šukyrynt i čarma-s šjsty-nga jorca-ma i korty. fǎst: «Ej, brat, meŋa, te šu-kyrys prok avañ lofcēs pañi-ť; a čorénes mafa-syñǎ mǎšt kǎptǎ-t. Kaji-ñǎ vǎši šukyrynyñ kǎ-žkškanť, sajiñ-ž ešče-tǎ jak soas soñe kak. «Meŋda-dy, bra-tcy, prok avañ lo-fcēs pañiť šu-kyryñ, ada-da tyñe ka-k avo-ñiñ. I tuš vǎši. Molť tozē syñ kak raz goñečatǎ i-kiliñ, i izvo-ščekǎ kak raz pačky-t še-zej. Net kadušt tosk čora-tǎ, a se tuš taga. izvoščekǎ mǎñn. Molť tagy. tozē-j. Pǎda-s šte-nas. Izvo-ščekǎ tagy. kortǎ-t: «Vot

domǎ. Говорить своей матери: «Эхъ, матушка, что за диво и беда. Въ дикой степи землянка, на полу землянки постлавъ по-мѣ, на полу одиннадцать мальченокъ, играютъ въ карты, у нихъ на лбу солнце и луна». Мать и говоритъ: «Это мои дѣтки, какіе твои братья». — «Я, матушка, и ихъ достану? Испеки на молокѣ одиннадцать лепешекъ». Испекла мать одиннадцать лепешекъ, взяла мальчнкъ лепешки, пошелъ съ ними, на-зель землянку, отверъ дверя, покатыл одну лепешку. Взялъ мальчнкъ лепешку и сталъ ее ѣсть и говорить вмѣ: «Эхъ, маты, эта лепешка словно испечена на молокѣ моей матери», мальчнкъ слышитъ, что онъ говорятъ. Просилъ чертъ дверь изъ лепешки, взяли и остальные, и самъ онъ вошелъ. «Вы, братцы, скажете, что лепешки испечены словно на молокѣ матушки, а вы сами къ матушкѣ». И пошелъ всѣ. Пришлв туда какъ въ передъ горницами, и извозчики. какъ разъ проходятъ тамъ. Мальчнкъ остался тамъ, а тотъ ушелъ опять съ извозчиками. Пришли опять туда. Спустился на стѣну. Извозчики опять гово-

dīva-tūā: kona· čora-tūin tesa· jo·fūerK, ņet kak uš to·seta. Ina·zyrys i mēfā: «Koda-tt iša-tt tesa· lomatūā. Ārāvā vandy-j mo·leñā tūst. Čorēñes tuš i avansty kortā: «Vandy-j, mēfā, avā·inazyrys tūin-k sy; šrapa-jada; ātāvā son kava-ñams». Ava·mēfā: «Bydā. ina·zyrys sy, ton joftaſt moñ gecta joſks». Nu, na·ina·zyrys tūst, ozaftyz stolekšc, karmašt kava-ñamynza, suvā·vāši čora-tūā, Te corēñes karma·šc avanzy doña-ma; «Ava-j, joftaſt joſks». Ava·š mēfā: «Mon, ājdūin, moñc kak prok joſkskan». Čorēñes mēfā: «Āš pī-ñit ȳot joftē-K». Ava·š mēfā: «Moñ tūam joftams či dy vā sata». A corēñes mēfā: «Čis dy vās i to joftē-K. Avaš karmaš pfaſzy· jofta-ma, koda ſūās dovababa·š i koda ku·ly·š inazyryñ koſajkaza i saji·žā sonzy· koda, koda·čaſū-čy čora-tūin, koda·babu·škaš jumatūinžā, koda ina·zyrys songa·bo·čkas pīſgi·dižā i mo·ras koda·noldēžā, koda valnasy berā·jorē·žā. Inazyrys kulcy·nā i dūin, šty te űeka-k moñ goſa·jkan».

рять: «Вотъ чудо: мальчиги, о которыхъ вы здѣсь говорили, они тамъ». Царь и говоритъ: «Какіе такіе тамъ люди? На-завтра пойти къ нимъ». Мальчикъ успелъ и говорить своей матери: «Завтра, матушка, къ намъ придетъ царь; готовьте кушанье; надо его угостить». Мать говоритъ: «Если придетъ царь, ты застави меня разсказать сказку». Ну, пришелъ къ нимъ царь, посадили его за столъ, начали его угощать, вошли всѣ мальчиги. Этотъ мальчикъ сталъ приставать къ своей матери: «Матушка, разскажи сказку». Мать говоритъ: «Я, дитинко, сама слово сказала». Мальчикъ говоритъ: «самое себя хоть разскажи». Мать говоритъ: «Разсказывать обо мнѣ хватитъ на день и ночь». Мальчикъ говоритъ: «десп и ночь, а все-таки разскажи». Мать стала разсказывать о себѣ, какъ жила вдова старуха и какъ умерла жена царя и какъ онъ взялъ ее, какъ она родила мальчиговъ, какъ бабушка погубила ихъ, какъ царь заколотилъ въ бочку и какъ пустилъ въ море, какъ водной прибило ее къ берегу. Царь слушаетъ и думаетъ, что то была никакъ моя жена.

afas. Šta-š stole-kštest i tuš kudu-g. Močé, še ba-baút šulniža
alašá-ú pu-lys i noldéžá di-kyj štepej. Soné saš hefeñ áfa-ma.

Записанъ отъ Т. Угурскавой.

Joŋks.

Áfa-št n-šéist ata-t baba-t. Ájdíst arašit i syñ pek mefa-fét.
Nu šajáms a má-št, kyli ara-št, saji-ms ako-sta. Afáš tuš burla-
ama. Kizy-ú burla-čas, májli sy ku-dug. Ombó-čá tu-nda; éiš
afáš pí. Son oza-š ojuie-šená me-lieča brud va-kss. O-jmas
ájé, šinima-zy saš. Ko-maš koma-da i karma-š ší-míña. Šimš,
karma-štama. Mara-sy, ki bidí saka-ldy kundyžá. Son duihá,
máji kak pongšt. Tej nóck, toj nóck, sakaxā ata-rgavít. Son i
mák: «Ki to-sá, nolda-k. Mášt voza-t?» — «A no-ldaa!» —
«Maks?» — «Ha- šimni ko-mady, vot máks». — «I karma-t nej

остать изъ за стола и пошелъ домой. Пришелъ, ту старуху при-
авалъ къ лошадиному хвосту и пустилъ ее въ дикую степь. Сажъ
пришелъ жить къ этимъ.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было, и они
очень печаловались. Ну, дѣлать нечего, козя пить, не откуда
пить. Старикъ ушелъ бурлачить. Лѣто ошъ бурлачилъ, а потомъ
шелъ домой. Второй весна; день былъ жаркій. Ошъ сѣлъ от-
дыхать около медвѣчяго пруда. Отдохнулъ немного, захотѣ-
лось ему пить. Нагнулся въ припадку и началъ пить. Нависелъ,
малъ оставать. Чувствуетъ, будто кто схватилъ его за бороду.
Онъ думаетъ, что борода какъ нибудь зацѣпилась. Сюда дернетъ,
туда дернетъ, борода по вырывается. Ошъ и говоритъ: «Кто
моя, пусти. Чего балуешь?» — «Не пѣшу!» — «Почему?» — «Не
идъ въ припадку, вотъ почему.» — «И станешь теперь такъ меля

išta- kiñdīmīn?» — «Da!» — «A žardy no-ldasamak?» — «Sest, žarda alftasak mondū šēn maks-ms mā-zi ku-ca azdasak. A biđā a a-lftasak, vādišāci n-sktan». — I karma-š usku-ma. «Už-ifa-mak uski Duma-n vaššān. I karma-š duma-ma. «Dy māži ma-aso-dan? I šēn zoda-sa, i šēn zoda-se; prok vāši soda-syñ māžm uļā. I mēcē: «nu, saji-k». Lišē vā-ctyñt a-ča, vāšij šo-dēj. Targa-pajilfā, targa-š ko-ūon prok kīggyrñ. I mēcē: «na kārī-k la-m-tūhi su-ryt, a maz vāfey-t šorma-dan šo-rma, a toņē šorma-duma ana-štat, čefks tājts. Čerkstyžā su-ryñt, šajdi-ms amā-št. Še na-vi-žā pēra-nža i māšē biđi šorma-č. I mēcē: «nu na čē-fksta-š. Atāš saji-žā pērañt i čēfksta-š. Še tuš vāc, a atāš štas i tuš ku-du-n. Moļā- i duñā: «Māži-žy toon aso-dan? Vēd vāšij sodasē. Moža koda-mujak to-sa tara-čkā āñ māžija-k». Moļā-, i šādi-duñā, a šādi-jiza rīznā-, i pačkyč iša kudu-n. Suva-š kardarn-baba-za lišē karēizynža, a kecēnža āčf. Atāš sra-zu fačāš, «Dy

держать?» — «Да!» — «А когда отпустишь?» — «Тогда, когда ох-щешь дать мнѣ то, чего ты не знаешь въ домѣ. А если не ох-щешь, утащу въ воду». И началъ тащить. «Погоди, не ташь меня! Сперва подумай». И началъ думать. «Да чего я не знаю? И то знаю и то знаю; словно, всё знаю, что у меня есть». И сказа-лъ: «пу, возьми». Вынулъ старикъ изъ воды, песь скдой. Вынулъ ножикъ, вытащилъ бумагу, словно изъ бересты. И гово-рить: «ва, разрѣжь безымянный свой палецъ, а и панишу лезв-твоею кровью, а ты самъ илсать не учишь, сдѣлай черту». На-рѣзалъ палецъ, дѣлать нечего. Тотъ обмкнулъ свое перо а что написать. И сказать: «пу, на, сдѣлай черту». Старикъ взял перо и сдѣлалъ черту. Тотъ ушелъ въ воду, а старикъ всталъ пошелъ домой. Идетъ и думаетъ: «Чего же я не знаю? Видю всё знаю. Можетъ быть, тамъ какой-нибудь сузочъ или что-нибудь (другое)». Идетъ, думаетъ такъ, а сердце его тощуетъ, подошелъ такимъ образомъ къ дому. Вошелъ во дворъ, стар-его вышла ему на встрѣчу, а въ рукахъ ребенокъ. Стар-

māst mon dāji-n. Kady-k lučšy moščeu vādišči usku-plinimō.
 Praš i karma-š ra-vguma. Baba-za i duñā; «Māks žy son raṅgū?
 Āraṅt tānga radu-vams. Āṅt tānga ūstēn, a son koda-k ŋeježa
 lura-kač. Baba-š karma-š lači-minga. «Māst raṅga-t? Štak.
 Vērepas āṅt tāni-k maksē, a ton prok ta-ndadyt ā-jstynza. Štak,
 suva-k kuč, a to loma-tt pā-jdīmī karmīto. Ačāš štā-š i suva-št.
 Akūst tajšt. Ačā-š ja-la raṅgū i baba-š karma-š ra-vguma; la-vgy-
 ryst va-nyž ā-jdiš kak karma-š raṅgu-ma. Syn loika-št i karma-št
 ājdi-št lači-minga. Baba-š i mēfā: «Māks ton ištā- raṅgi-t a-ta?»
 — «Ež, māžija-k tou, baba, aso-dat. Māst mon dāji-n! Vēd ištā,
 ātā-», i jošče-ŋžā vā-sij, koda- tāvi-š uñi-š. «Mā-zi tājat, nat
 Pazy-ŋi ištā- ātā-vā; karma-tana ātā-ma i ŋeu-ma māst n-ŋt,
 māst Pas, tājā- Pazy-š ama-kseyj, tuyvš ast-psyja. I karma-št
 ātā-ma. Āti-t god, āti-t kafta. Ātā-št kāmīn gott. Ājdiš kasē.
 Šačē čō-ra n-lāiš. Vāṅki vā-sta druk čōra-š koda-k ky-rāatē i

разу догадался: «Эхъ, что я сдѣлалъ. Пусть бы лучше онъ меня
 самого утащилъ въ воду». Упалъ и началъ рыдать. Старуха и
 думаетъ: «Отчего же онъ рыдаетъ? Ему слѣдовало бы радоваться.
 Я показала ему ребенка, а онъ, какъ увидѣлъ его, разревѣлся».
 Старуха стала его утѣшать. «Чего ты плачешь? Богъ далъ намъ
 ребенка, а ты слово испугался его. Встань, войди въ домъ, а то
 люди станутъ смѣяться». Старикъ всталъ, и они пошли. Последнѣи
 ребенка. Старикъ все плачетъ и старуха стала плакать; глядя на
 нихъ, и ребенокъ сталъ плакать. Она перестала и начала утѣшать
 ребенка. Старуха и говорить: «Отчего ты такъ рыдалъ; ста-
 рикъ?» — «Эхъ, ничего ты, старуха, не знаешь. Что я сдѣлалъ!
 Видъ такъ и такъ», и разсказать всѣ, какъ было дѣло. «Что сдѣ-
 лалъ, зная Богу такъ угодно; будемъ жить и ждать что бу-
 детъ, что сдѣлаетъ Богъ. Богъ не дастъ, свинья не съѣстъ». И
 такъ жить. Живутъ годъ, живутъ два. Прожили десять лѣтъ.
 Ребенокъ выросъ. Онъ сталъ юношей. Однажды ночью юно-
 ва вдругъ какъ вскопнить и вачевтъ кричать. Отецъ всталъ и

karma-s pižna-ma. Tafa-za štaš i karma-s kajkšni-ma: «Maks, ajdūhū, maks kaksKiū? Mā-zdū tandady-t? Matc, udy-ka. — «Ama-dan, pāla-o». — «Dy māzdi pā-lat?» — «Sakšnyš kada-ma biđi a-ta, vāši sēdej i mērc: štak, mēšt tatati, kady-k knūta-nza kog ūrūčā čāt mole-ma». Atās fačā-š. «Māšl tā-jāims? Dava-j eko udy-tana, māšt u-lit vancy-nik. Sas ombó-čā vās. Ma-dīšit. At tagy- sas. Tagy ista-za mērc. Čorē-nes štaš; kaji-č bufa i kady-šta-st saly-žā. «Nu, baba, tāit apa-rt. Davaj, vandyj popō-šit močlā-na. Māšt son joštā-? Valčki štaš i močēt popō-šit i jofūe- tānza vā-šij. Popō-š i mē-rā: «dava-jai, služan dāžk mole-ben i kučy-žk z Bo-hom, kady-k mo-lū kog dānza para. Vāšna kady-l mo-lā še ūdi-šit vakse, a biđi to-sa māži ja-k au-lā, kadyk eše- kuaja-k ja-kā». Sašt ku-duy, purayž sē-īneš i mērc tā-nza: «Čora-m, ista- ista; mon juma-štytiū ara-štytiū, tāšāš mē-lā, ista ista- tāvi-š ulči-š, i jofūe-ūžā tānza vā-šij. Čora-š štaš, ozē-

сталъ спрашивать: «Что, дятятко мое, что дитѣвыишъ мой. Чего ты испугался? Ложись, еще». — «Я не лягу, боюсь». — «А чего ты боишься?» — «Приходить какой-то старикъ, весь сѣдой, и сказавъ: вставай, скажи отцу своему, пусть пошлетъ тебя къ тебѣ надо идти». Старикъ пошелъ. «Что дѣлать? Давай, еще пождемъ, увидимъ, что будетъ. Настала другая ночь. Легъ спать. Старикъ пришелъ опять. Опять онъ сказалъ то же. Юноша всталъ; поднялась буря и сорвала крышу съ ихъ дома. «О старуха, дѣло неладно. Давай, завтра пойдемъ къ попу. Что онъ скажетъ?» Утромъ встали и пошли къ попу и рассказали ему все. Попъ и говорить: «Давайте, я отедуку вамъ пошебенъ и пошлю его съ Богомъ, пусть идетъ куда ему желательно. Сказавъ, пошелъ къ той рѣчкѣ, а если тамъ ничего не будетъ, пусть идти еще кое-гдѣ». Пришли домой, собрали его и сварганили, сказали ему: «Ну, сынокъ, такъ и такъ; я, говорить отецъ, и губалъ загубалъ, тебя. Такъ и такъ было дѣло», и рассказали и всѣ. Юноша всталъ, помолился и пошелъ. Пришелъ къ бѣ-

tuš. Mołé še vādīnt krajs. Aščī-š aščī-š, māzi ja-k ara-š, i tuš
koj šahī-za aše-jā, koj šiliza ama-rā. Mołé mołé, suva-š vīre,
mūs vīctyūt tro-šeñā i tuš še trofene-vañt. Mołé mołé, muš ku-
dyā. Kudyñi-eyñt jagaba-ba. Suñš šānza. Baba-š i meřā: «Māšē
mā, ājdūñā, jaka-t paka-t?» Čorēñeš jofñeñžā koj mołā i māks
mołā. «Ej, čora-m, kua-t šā amu-jivā. Na, mon maksan dāt
li-riñā. Koda-k li-šat, kaji-k ma-styrng. Koj ki-riniš kāvīřā, toj
ton mālgā-nza mołt. Še moñ zoda-nym ařāš; moñ pafa-m ekšče-
nza ulōñš; ku-lyš; kaduys řāžtīř soñdeřeñza mājā, a son ufva-kšē,
māš li-ja. Teñ ājsta eščo. Kāvī-žkija řāžtīř čačēf. Vot kozē-ñ te
ki-riniš lo-tkā o-žera krajs, ton kekšē šezē-ñ paryū-šta i nēy-k
māgn-řkīñā. Soñdeře-nza mājā eščo. Kāvī-žkija. Vačky-dīvīt
ma-styrkasc i řaji-vīt vāši řāžtīřks, vāši ma-zyřt i kajsi-zyž
še-žast i karñi-t ekše-lama. E-kšelet, e-kšelet; Kāvī-žkijicāñ li-sit,
o-řeñeš, vačky-dīvīt mastyrva-ksc, řājñivīt mākij gn-řkīñiks i řaji-č

той рѣки. Побылъ побылъ, ничего нѣтъ, и пошелъ куда глаза его
глядятъ, гдѣ уши его слышатъ. Шелъ шелъ, вошелъ въ лѣсъ.
Нашелъ въ лѣсу тропинку и пошелъ по той тропинкѣ. Шелъ
шелъ, нашелъ избушку. Въ избушкѣ баба-лѣга. Вошелъ къ ней.
Старуха я говоритъ: «Чего это ты, дитяго мое, ходишь шешуешь?» Мальчикъ разсказалъ, куда онъ идетъ и для чего идетъ.
Вѣтъ, сынокъ, долго тебѣ не найтн. Вотъ, я дамъ тебѣ клубочекъ. Когда выйдешь, брось его на землю. Куда клубочекъ по-
катится, туда и ты за нимъ иди. Тотъ старикъ мой зяте; стар-
шая остра моя была за нимъ; ова померла; послѣ нея осталась
еще, а онъ женился, взялъ другую. Отъ той родилось еще один-
надцать дочерей. Вотъ, гдѣ этотъ клубочекъ остановится у берега
лѣса, ты туда спрячешься подлѣше и жди летящую голубку. За
ней еще одиннадцать. Онъ ударится о землю и сдѣлается всѣ
голубками, всѣ красивыя, и скинуть свои одожды и стануть иу-
ниться. Покушаются, покушаются; одиннадцать выйдутъ, одѣ-
нутся, ударятся объ землю, опять сдѣлаются голубками и пой-

liffa-ma. A kãnga-ftuvycis, kona· i·kiñij saš, še šeft nãjlis kada·vã
e-kšëlama. Kodak kada·vã ška-mynga, ton žesta sa-jit ode-žaŋza
i kekšë mary-st. Sou li-ša vã-etynt i karma· vašni-mã. Vašni vašni,
amu-jivit, še-sta karma· vã-šiz vašniã: «Kĩ saji-ñja maksy-ŋte.
Ton ka-štmoŋt. Son garni· kopta-ma; «Bidi syřã čoralo-maň, uli-za
ťãñ ta-tiñiks, a bidi syřã avalo-maň, uli-za řãñ a-viñiks, a bidi od-
ťãñřif lomaň, uli-za řãñ sa-zyrnyks, a bidi o-dčora lomaň, uli-za
ťãñ mi-fčũks». Ton žesta liš i maksy·te. — Son moľe še-zhũ, kekšë
še ta-rkañti. Liffašt gũka-ťãñ, koda· še ba-baš jořta-š; i kvũ
kãviř kijiťãñ řišet i tušet, a kãnga-ftuvycis kadu-ŋš, šesta son sa-
ji-ñja i kekšë-ñja ode-žaŋza. Ťe lišë vãctyñt, čara-š, čara-š, ode-
žaŋza ara-št, i karma-š šajfi-mã: «Kĩ sajiñja odežam, maksy-ŋte.
bidi syřã čoralo-maň, uli-za řãñ ta-tiñiks; bidi syřã avalo-maň, uli-za
řãñ a-viñiks; bidi ođã-řif lomaň, uli-za řãñ sa-zyrnyks, a bidi
odečora lomaň, uli-za řãñ miřũks». Son lišë i maksy-ñja ode-

дуть летать. А двѣнадцатил, которал прежде пришла, та ост-
нется купаться послѣ всѣхъ. Какъ только она останется оди-
нѣ тогда возмѣтъ ея одежду и спрячется съ нею. Она выйдетъ изъ
воды и начнетъ искать. Пощетъ пощетъ, не пайдетъ ея,
тогда станетъ просить и уранивать: «Кѣто взялъ ея, отдайте». По-
молит. Она начнетъ говорить: «Если старый человекъ, пусть бу-
детъ мнѣ тенькой, а если старая женщина, пусть будетъ мнѣ ма-
мешкой, а если молодой дѣвущка, пусть будетъ мнѣ сестрич-
кой, а если молодой человекъ, пусть будетъ мнѣ мужемъ». Ты тогда
выйди и отдай (одежду). — Онъ пошелъ туда, спрятался въ тем-
нѣстѣ. Прилетѣли голубки, какъ та старуха говорила; и когда они
падуть вышля и ушли, а двѣнадцатая осталась, тогда она взяла
спрятанную одежду. Она вышла изъ воды, вертѣлась, вертѣла
одежды пѣтъ, и она начала кричать: «Кѣто взялъ мою одежду, отдамъ
ее; если старый человекъ, пусть будетъ мнѣ тенькой; если старая
женщина, пусть будетъ мнѣ мамешкой; если молодая дѣвущка,
пусть будетъ мнѣ сестричкой, а если молодой человекъ, пусть

naŋa. «Na, vot mšať: tafa-m iŋša-k ama-kcamam, a karnā-šy-t
naŋa-ma. Na, mon karma-n tāt po-so-blama. Ton koda težēn go-
livi?» — «Iŋša, iŋša», jo-fnenŋa tūŋa. «E, ton uš šady-ča; vājk-
pāŋauih vājkay-tūh pŋast uš koleja pŋavat. Neĵ kodak poĵavat,
šady-ča va-čkydā ko-leja. Šeñ toñdūt any-kstasy. Nu nda- moñ-
dā. Mon ūfa-n baška (tāi-diñ¹) ā-jsta, a syñ vāši vāŋca, tafa-m,
da-vam i kaviŋkijā tāŋti-rist. Moñ maŋta iŋa-pāl. Mon tafa-dyn
a-ma soda-n; moñ avam tona-ŋtymirā. I tūji-žā čora-ñt ča-pkaks,
a goñt gu-ŋkiñiks, i tašt liŋta-ma. Liŋtašt kudyzy-ŋa. «Nu, vot
tašt, me-fā tāŋti-ris. Neĵ šimt jarca-k dymať oĵmešek, a va-ndyĵ
moťat tafa-diñ. Zdoro-ŋ, meť, deda-j, nčy-t ŋ ā-jsyn? Vot mon
pŋ. Son šindatanĵat, anta-ŋĵat i joŋŋā- ŋat ro-bōta. Ton i meť:
pŋara. Valčkiš čokšnedent pŋavij. Sak valčki- vanu-ma, taji- ŋ
mele-zet. — A neĵ ndy-k». Mač čora-š, va-lčki šŋas i taš dedaasty.
Ša-š, še ašča. «Zdoro-ŋ, deda-j, nčy-t ŋ ā-jsyn?» — «Koda-
ŋ šastpā.

идеть мнѣ мужень». Онъ вышелъ и отдалъ ей одежду. «Ну,
вотъ что: отецъ такъ не отдастъ, а начесть надъ тобой надру-
тятся. По я буду помогать тебѣ. Ты какъ сюда попалъ?» —
Лизъ и такъ, разсказалъ онъ ей. «О, ты ужъ сотый; головы
даже то девяти уже на остряхъ колысь. Теперь, какъ только
онъ покажется, онъ вобьетъ сотый козъ. Онъ приготовить его
изъ тебя. Ну, иди ко мнѣ. Я живу отдѣльно отъ отцовскаго дома,
а онъ всѣмъ вѣстѣ, отецъ мой, мачеха и одиннадцать дочерей. Со-
шолъ не бойся. Я знаю больше отца; меня научила мать». И сдѣ-
лала мальчика галкой, а самое себѣ голубкой, и пошли летѣть.
Прлетѣла въ ея домъ. «Ну, вотъ что, говоритъ дѣдушка. Теперь
я, ты и лонисъ отдохни, а завтра войдешь къ отцу. Скажи:
здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты меня? вотъ я пришелъ. Онъ на-
чать тебя, накормить и укажетъ тебѣ работу. Ты и скажи: хо-
рошо. Утро вечера мудренѣе. Приходи утромъ посмотрѣть попра-
вилъ ли. — А теперь усни». Легъ мальчикъ, утромъ всталъ и пошелъ
къ отцу. Вошелъ, тотъ сидѣть. «Здорово, дѣдушка, ждалъ ли ты

uču-ms, davno- nčy-ſſa. — «Vot mon syn. Mášť joſta-t?» — «Mášť
bej jo-ſtan? Oza-k ojinešek, dy šimť jarca-k, a má-jſſa távna jo-k
mo-žna joſta-ms». Son šimš, jarca-š, ojma-š tájś, má-jſſi šimš.
Ataš i meſa: «Vot mášť, čora-m; nesa-k o-na še Jejeńť?» — «Ne-
sa-ſ» — «Nu, vot čora-m. Valčki-s tážť trokska-nza šad. Taji-va?»
— «Máks ata-jivá? Valčki-s čokšne-deńť právi-j. Valčki sak ra-
nu-na, tuji ti melezěť. Lišć i taš víety névesta-ncy. Kua- mo-ž
ra-žgá. Še va-styžá i me-tá: «Máks iſta- ra-žgat?» — «Koda ta
šah arazgums?» O-na še Jejeńť troks meť valčki-s tá-jiměť
šad». — «Eka di-vaš; ton mášť da ndy-k va-lčkis, a valčki-
čokšne-deńť právi-je. Te mac májſſi uš n-duoia. Zoſa- la-žka
a-ńćik mať-diš, tážť-fiš štaſtyžá i meſa: «Na vany ta-t mo-
lótka i ásk i aža- še ta-rkańti. Jaka-k i stuca-k by-ta odde-
la- a kyda- son mala-y sa-my ka-rná, ton saji-k vany te a-škyti
čat ájſynza byta odde-la-t. Son sy i meſa: «e-ka vadſa-», a ton

меня?» — «Какъ не ждать? давно ждать». — «Вотъ, я пришелъ. Ты
скажешь?» — «Что я теперь скажу? Сядешь отдохни, да поспишь,
а потомъ можно сказать и дѣльце». Онъ попилъ водѣль, отдохнулъ
немного, потомъ всталъ. Старикъ и говоритъ: «Вотъ что, сынь мой,
видишь ты вонъ ту рѣку?» — «Вяжу!» — «Ну, вотъ, сынь мой.
До утра сдѣлай черезъ нее мостъ. Можно его сдѣлать?» — «Отъ
не сдѣлать. Утромъ приходи посмотреть, поправится ли тебѣ.
Вышелъ и дошелъ прямо къ своей невѣстѣ. Пока идетъ, рыдаетъ.
Та встрѣтила его и говоритъ: «Что ты такъ рыдаешь?» — «Какъ
мнѣ не рыдать? Велѣлъ онъ мнѣ построить мостъ вонъ черезъ
рѣку до утра». — «Эко диво; ты лягъ и засни до утра, а утро вѣдь
мудренѣе». Этотъ легъ потомъ укъ спать. Только онъ заснулъ,
заврѣ, дѣвушка разбудила его и говоритъ: «На, вотъ тебѣ молотъ
и гвоздей и ступай на то мѣсто. Ходи и стучи, будто отдѣлываешь,
а когда онъ станетъ близко подходить, ты возьми вонъ этотъ камень
и ударяй въ него, будто отдѣлываешь. Онъ придетъ и скажетъ
«эко хорошо», а ты и скажи ему: «не хвали во время работы, а

meft (anža: «ila-k kšna faji-msta, uža· odde-lasa, dy koda· moie
dasa·, a šesta ton kšnyk ali saldy-k». Šadiūt lajks ila-k polda·;
meft: «šči-k vāpe-lā, ila· mēša robo·šiek lomašūnū. Žardy fajiša·,
on moie fajiša·n». Āsky-ūt žavik, ara-k šadiūt lajks i stuka-ti
lajkt i kunda-k ba-lasas. Še-sta meft: nu, ačā. Son ay i karši
nam-ma. Va-nuysy i mēfā: vadfa·, nda· nej miūdānik; mon
meš, ton prāvi-jat; azdasa kiū brāysa; a ton i meft: moiešē gak
koj šijūms. Še-sty aži· mary-nža. Šesty son ojma-flanžat i ošdo-
bišta tat maksā. Mašt mēfūā, vanny-k; mašt jo-filā, ku-lynyk».
Moie ašūt marža kudyzy-nža. Ačās kava-mižā i mē-fā: «vot mašt,
mā-n, ačā-ka vannyk paryčy-m: kodama kudy-m, kodama kar-
mym, kodama sačy-m». Vētiē-s vētiē-s ājsy-nža, vēte-žā vā ta-r-
m, ašči ša-dy ko-jeja; koleja-šūn pfa-sa lo-maš prāt, mēšik vāž kiū
ačsa a-raš. Son i mē-fā: «nu, vot mašt, čora-m, mēš vany vāši ton
vodiāt ulāi-šē; nu, kšiū dobōvamā āšt mašt, a mon nš syfa-n, kšyn

на одѣлаю, да когда я самъ похваляю, то тогда ты хвали или
нѣ. На мостъ его не пускай, скажи: «стой въ сторонѣ, не мѣшай
мѣстѣ-у-работнику; когда одѣлаю, я самъ тебѣ позову». Всей
нощъ, стань на мосту и ступни ногами и ухватись за перила.
Мѣш скажи: ну, идя. Онъ я начеетъ смотрѣть. Осмотритъ и ска-
жетъ: хорошо, ступай теперь къ намъ, вижу, ты умный; не
мѣш, чѣмъ умомя; а ты и скажи: в своего векуда дѣвать. Тогда
ступай съ нимъ. Тогда онъ дастъ тебѣ отдохнуть и дастъ
мѣ еще работу. Чѣго покажетъ, на то смотри; что расскажетъ,
и слушай. Попелъ со старикомъ въ его домъ. Старикъ уго-
силъ его и говорить: «Вотъ что, сынъ мой, ступай-ка осмотри мое
мѣство; какой домъ мой, какой мой дворъ, какой мой садъ».
Сынъ водилъ его, привелъ на одно мѣсто, стоятъ сто колыбѣ;
и вертункахъ колыбѣ человеческія головы, тошло на одномъ
мѣ. Онъ и говоритъ: «ну, вотъ что, сынъ мой, эти всѣ были
любимы тебѣ; по хлѣба добыть не ушлія, а и ужъ старъ, своимъ
любимъ коринтъ не люблю; я вижу, ты парежъ дошлыѣ, и если

kšidā a-ndumañt afe-čksa; mon vanca, ton čora-s do šly
i bidī kšidā andu-man karmat, mon lubo-vōj fa-žytirñ
ksca fāt koža-jkaks, a bidī aka-rmat, mon va-ndyj za p
van' te kole-jañt pīas pozgafca. Nesak o-na še pandyā
— «Nesa!» — «Nu, vot va-lčkis vīti-ñt kārī-k, penka-ž
targi-č, a še ta-rkañt soke-k; vīfety-ñt tājť mē-līeča, a m
ka-syñt vīdī-k tožerē-da. Valčkis nuji-k, jaža-ft počť i pa
přaka-t. Še-sta mon maksca fāt fa-žytirñ; a bidī aka-ñfat y
přaka-t pañi-ros, to pīat kārā-f ufa-». Čora-s tuš i mēla-ft, kom
šna-rys tajivā. Močē fa-žytirī-ñti. A fa-žytirīs i mēra: «Xe! Te mē
līa mēla-ft, teñ tājsty-ñik. Vot vau, koda tavis tujā. Laj
jay-c pačiñi-sa i šūary. Nīčast šajfāt prok rauža pāl i kākškā
«māks fa-rdīñiž?» — «Dy vot te pandyāt valčkis kārīk targi
vīdīk tožerē-da; taji-da mē-līeča i pēka; valčkis tožerēfāt m
ji-ñk, jažyñk i pañi-da přaka-t. Syñ tuš i karmast. A ču
mač. Va-lčki šta-ftyžā ra-na fa-žytirīs i mēfu: auu, aža i žy

будешь кормить меня хлебомъ, и дамъ тебѣ въ хозяйствѣ доб
дочь, а если не будешь, я завтра же воткну твою голову на ве
хушку вонъ этого кола. Видишь вонъ ту гору?» — «Виджу!» — «И
вотъ до утра сруби лѣсъ, вырой ямы, а то мѣсто испаше; м
лѣса сдѣлай мельницу, а пашню посѣй пшеницей. До утра сози
смени муку и испеки пироги. Тогда я отдамъ тебѣ свою дочь,
если не успѣешь хотя бы испечь хлѣбы, то голова твоя будетъ
срублена». Парень ушелъ и грустить, гдѣ столько сдѣлать. Пове
къ дѣвушкѣ. А дѣвушка и говоритъ: «Хе! Это что? Не пезав
мы это сдѣлаемъ. Вонъ, смотри, какъ пойдетъ дѣло». Вышла, ма
нула платкомъ и столько слѣглось шайтановъ, словно черная туч
и спросили ее: «зачѣмъ ты насъ позвала?» — «Да вотъ на за
горѣ лѣсъ къ утру срубите, выкорчуйте, засѣйте пшеницей; м
стройте мельницу и пещу; къ утру сожгите пшеницу, смелите
испеките пироги.» Они ушли и начали работать. А парень за
Утромъ разбудила его рано дѣвушка и говоритъ: «Ну, ступи

peka-ut vaksa. Koda-k šafa-m samy ka-rnā, ton karma-k kšit-
mā tarksi-mā. Son goda-k mo-ša, kšis kapydi-mā karnā. Ton
šitf ila-k makst kapy-dims šanja; tolkadik grufe i mēft: kou
vā-t, mon moñé oščo-šči-š va-rēnā. Šitf ala-ma i varči-k toñé.
Majlā mēft: na, na, varča-k. Dy vo-t māšf mon dāt pīka-zan:
mo mīni-k mājļā šajsa-miž vāši vā žanas; mon nfa-n vīf krajsa.
Koda kākššanzat, mēfū: konañ šajsa-k koža-jkaks, ton byta van-
yč i mēft: moñdāñ jala teka, γyf van' fe kra-jsyñf. Son že-sty i
šitf: moñdāñ jaly teka; aņčik sodē-k ko-lookšt. Majlā šajsa-miž
kākššiks, vāši vā po-nasyt, i vaut: kyda suvama porō-gēñ droks
karma-tana, vā-ši kyřna-štumsta kyřna-štyf pa-řēfā, a mon prok
vau, zopēm tokafca ma-styruγ i vant ko-zēñ son ara-šeamam.
Majlā kyda kākšša-nzat, ton i mēft: va-ny fe. Majlā šajsa-miž
kākššiks; karma-tana šitfa-ma; koda-ara šisamiž, karma-tana
šitfa-ma vāši ša-šimzyt i vant ton arvā-žkiñ šālmīva. Mon doñ

около печки. Какъ только отецъ станетъ подходить, ты
начнешь вытаскивать хлѣбы. Какъ только онъ придетъ, онъ начнетъ
спрашивать за хлѣбъ. Ты не давай ему брать хлѣба; толкая его въ
руки и скажи: куда дѣзешь, я самъ еще не пробовалъ. Отломив
кусочка и попробуй самъ. Потомъ скажи: ну, на попробуй. Да
что я тебѣ прикажу: онъ послѣ того сдѣлаетъ насъ всѣхъ
одного дѣла; я буду на правомъ краю. Когда онъ тебя спроситъ,
скажи: такую возьми въ жены, ты будто осмотри и скажи: ниѣ
равно, хоть вотъ ты находящуюся на этомъ краю. Онъ тогда
скажетъ: ниѣ все равно; только узнай три раза. Потомъ онъ
сдѣлаетъ насъ утками, всѣхъ одинаковаго вида; и смотри: когда мы
начнемъ переходить черезъ порогъ, всѣ подпрыгивалъ будутъ пры-
гать хорошо, а я слепиши упаду, зубомъ коснусь пола, и смотри,
какъ онъ меня поставитъ. Потомъ когда спроситъ тебя, ты и скажи:
онъ эта. Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ голубками; мы начнемъ ле-
тѣть; когда онъ насъ разставитъ, мы все начнемъ смотрѣть въ
одинъ глазъ и ты осмотри каждую по глазамъ. Я глазами, который

pečča šalīnīm li-pačca. Ton žesty i mēft: va-ny te. Mājā ūj-
miz pi-šmarznyks: ara-fūisamiz vant pi-lgiva, mon pilgizur-
kū-pīca. Ton mēft: vany te. Mājā son i ma-ksca memo. Mo-
pečka-ūt vaksc. Aīa-š, sajižā kočeŕga-nynza i nšča. Vany,
aīa-š aī zy, son i karma-š kapša-ma tarksi-nā. Aīaš koda
sas, sedī ku-ryk kapu-dīksyl kšis. Son koda-k groza-dīžā grū-
mēfā: «Kog jača-t? Nesak, mon ešo-robō-tan, a ton nš kaps-
jarc-ma. Mor moūc ešo aīi-ā varēnā, a ton nš jača-t». Ši-
ala-ma, kaja-š kurgyzynza i mēft: «nn, na varčak, tuji li mēka-
tājigksyn-paīgksyn». Aīaš i mēfā: «pīavi-jat, pīavi-jat, ne znaj-
pīaqs' aīčik. «Nu, ada nej, kocka-k aīšat ūve-sta. Vūym mo-
apo-lacca. Kona- mē-žozēt tu-jā, sed i saji-ko. Koda tāj-tiis jo-
ūe-š, iāca aīaš i tājš. Son sodē-žā ko-lmōkšc. Aīaš maksy-žā ū-
tīi-nza, a oda-vauč šalīni-za praš čoraūt laŕks, māks son mo-
tāj-tiir āz saj, i duma-š son juma-šlynyst. Ode-fvaš srazu fatā-

находится на твоей сторонѣ, моргну. Ты тогда и скажи: вотъ я.
Потомъ онъ сдѣлаетъ насъ свирдами: онъ поставитъ насъ, ты
смотри на ноги, я подниму палецъ на ногѣ. Ты скажи: вотъ я. По-
томъ онъ и отдастъ мепя. Онъ пошелъ изъ нечкѣ. Сталъ, сказавъ
кочеру и стоятъ. Видитъ, старикъ подходитъ, онъ и сталъ возни-
шно вытаскивать. Какъ только старикъ пришелъ, то какъ мол-
скорѣ схватился было за хѣбѣ. Онъ какъ ударить его въ грудь
скажеть: «куда хѣзень? Видишь, я еще работаю, а ты ужъ об-
ишишь ѣсть. Я самъ еще не пробовалъ, а ты ужъ хѣзень. Онъ
милъ немного, положилъ въ ротъ и сказалъ: «ну, на пробуй, ку-
вится ли мое издѣліе, мое печеніе». Старикъ и говоритъ: «ты умни-
ты умный, не знаю только чымъ умою. Ну, ступай теперь, ве-
бери себѣ невѣсту. Я слова своего не измѣню. Которалъ тебѣ и
вравятся, ту и возьми. Какъ говорилъ хѣбуника, такъ старикъ
сдѣлалъ. Онъ узналъ три раза. Стваракъ отдалъ свою дочь, а
чехп позавидовала на парня, отчего онъ не взялъ ея дочери, и
думала она ихъ погубить. Молодушка сразу догадалась и по-

lištast kudun tšifanctyj i karmošt ära-ma išfa šupa-gsta dy-pašči,
a jo-ftavi jak. Mon kecčest ulñi-ñ, nñ-tfä bra-gada šini-ñ, turvan
luzga čudšič, a kurgy-zyn šič pešä ja-k.

Jonks.

Ära-šč a-ščišt ata-t ba-bat, Ätä-ñ ba-bañ ulñi-šč kolma-
ra-nža. Kaštyčä pñävižt, kolmo-čes dura-k, Täñi-za Eñe-li
Äñ-šč äñ-šč, äva-s kuly-š, Ä-šas a-ščiš täta-š kak, kuly-š. Äñ-
tti bra-ta: po-kšnä kavyni-št niva-kstait, a viški-šič apa-k. Du-
ra-kñiñ Kij mo-lä? Ištä-k i ä-ñä, päñk ka-ñä, väd ka-ñä, ku-
ku-čeyž, toj mo-lä. Väšt uti-žyza kuči-ži väc. Väñ-š ulñi-šč
ma-sa. A m-daz a-ñišk po-raš. Kuči-ž väc. Šon i molé šäma-ñi
karma-š amy-kdama, vanej. Šäma-šyñt kał. Šon še ka-lyñt ka-
dyžä, ta-rgižä. Še ka-lyš i ku-pta tä-nža šäma-ñišk: «Eñe-ja, ne-

въ домъ къ отцу его и стали жить такъ богато и хорошо, что
не разскажешь. И были у нихъ, шль меду и брлги, но губа
текло, а въ ротъ и не зашло.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. У старика и старухи бы-
ли сыновья. Двое умные, третій дуракъ, по имени Емеля. Жил
жила, старуха похерла. Жилъ пошелъ и старикъ, померъ. Же-
нуть три брата; старшіе оба женатые, а младшій лѣтъ. Кто по-
детъ за дурака? Такъ и жинетъ, рубитъ дрова, поспитъ воду, по-
ношлеть, туда идетъ. Однажды невѣстка послала его за водою.
Вода была въ рудникѣ. А была грязная пора. Послала есозан-
дой. Онь и пошелъ къ руднику, началъ черпать, шдять въ ру-
дникъ рыба. Онь поймавъ эту рыбу, выпотцилъ. Эта рыба и по-
порить ему по-человѣчьи: «Емеля, пусти меня назадъ въ воду».

a mak moi nã-kij vã-dũti. Mon moñé fãc pary tã-jau. — «A
kã-zi ton moñũk-ũ tã-jat?» — «Mã-zi ʒočeš, šeũ i tã-jan. Añéik
ať: pa ščũtjemu velenju, a moi pro-zbasa, vot še fã-viš tãji-viza,
tãvi-s ʒyt ko-damyš soñé tãji-vã». Eñe-ia šaji-žã noldé-žã še
tã-lyt i ñe-fã: «pa ščũtjemu velenju, a moi pro-zbasa vedra-t
šida kudu-p». Vedra-tiã Kãji-čt i tušt. Mele-zẽuza pa-ra, a
evũã ta-ndať i Kãjksũi-č asynza: «Koda- iša vedra-tiã syñé
ať» — «Mon ja-ly iša ka-rmm». Kuči-ž sonza- pãngi-ũ Kã-
ma. A son tišé i ñe-fã: «pa ščũtjemu velenju, a moi pro-zbasa
tãk tyñé Kãčĩ-vida i tyñé vačka-vyda». Kučy-ž kudap sua-f
tãũ. Son Kã-ʒkšũt pa-něcy i ñe-fã: «fãjũk, tyñé suva-da». I syñ
ari-č. I syñé pečkas vačka-vit. Eñe-tãũ tãvi-za pa-ra. Ašã pẽ-
ch-ʒksa, añéik ja-reã da u-dã. Vãdĩ-za so-ñé ey, pãngi-za syñé
tãtĩ-vit i ku-c suvit i pečka-s vačka-vit. A son a-ñéik nã- i u-dã.
tãdy-č asy-za viti-j pãjks. Son tišé karda-zuũ, oza-s nure i ñe-

«А я сделаю тебе добро». — «А что ты мне сделаешь?» — «Что
хочешь, то и сделаю. Скажи только: по пучьему веленью, а по
моей просьбе, пусть делается то дело, и дело, хоть какое оно ни
бы, делается само собою». Емеля взял, выпустил ту рыбу в
ворота: «по пучьему веленью, а по моей просьбе, ступайте, ведра,
рыбы. Ведра поднялись и пошли. Ему приятно, а ведрата испу-
лись и спрашивают его: «как так ведра сами пришли?» — «Я
так буду делать». Послал его рубить дрова. А он вы-
шел и говорит: «по пучьему веленью, а по моей просьбе, дрова
они вы разрубятся и сами сложатся». Пошли Емеля внести
дрова в дом. Он отворил дверь и сказал: «дрова, сами вы
ложатся». И они войдут. И сами они складываются в печь. Емелю
его приятно. Сидит на печке, только есть да спать. Его
за сама приходит, его дрова сами рубятся и входят в дом.
и складываются в печку. А он только спать и есть. Посылают
его в лес за дровами. Он вышел на двор, сел в сани и
сказал: «по пучьему веленью, а по моей просьбе, вы, сани, пой-

fā: pa ščudjemu vēlešij, a moņ pro-zbasa, nuŗt moše-da q
viŗij, i nuŗtnā. ģica-ks tušć vi-ŗij, pro-sta liŗa-z liŗi-ŗ. N
vi-ŗij i mēŗā: «pa š. v., a moņ pro-zbasa, viŗ tošć kāfā
tošć vaška-ft i tošć šulmaft». I vaška-qš i šulma-qš iŗa-mŗā
voz, a jo-ftāŗā jak pokš. Oza-š son vo-zēŗ pŗa-s i mēŗē: «pa k
a moņ pro-zbasa, nuŗt murda-da mā-kij kudu-ŗ». I nuŗtnā-š
la-ks tušć liŗa-ma. Eņe-la iŗa. karma-š jakši-mā viŗga. i k
za-rga. Lāla-nŗa kaca ara-šiŗt, vāŗe-lā ro-bētašć. Son vāŗē
vi-feta. Naro-d ulŗi-š la-ma n-lēasa i ȳotili kuoda-mynŗa. Son
aŗ ģi-jdā i tapa-š žary-ja naro-d. Šesta- mafa-s āsty-nŗa inā-ŗ
I kuēŗ mālga-nŗa. Sašć mālga-nŗa. A son aŗā peckala-ŗka, n
Karma-šć āsy-nŗa šāftu-ma, Son a šti-. Uŗā-žynŗa kāŗkšā-ŗ
ma-tūŗ ā-sa: «koŗ ťārcyŗk, mā-ks šāfeyŗk?» — «Iŗe-zyr, k
tā-ŗdizā; a-ŗ, žary naro-d tapa-š, vāŗ-mānŗa ȳoēŗ, mā-jin iŗa
lomaŗ a-lašāftu-ma ja-kā». Eņe-la i mēŗā fāst: «āzi-da, mon

дате сами въ лѣсъ», и сани какъ птица ушли въ лѣсъ, просто ма-
летать. Пришелъ онъ въ лѣсъ и говорить: «во ш. в., а по ка-
просьбѣ, лѣсъ, ты самъ нарубись, и ты самъ слокись, а ты самъ
связькись». И слокился и связался такой нозъ, нельзя сказать
большой. Онъ сѣлъ на верхъ воза и сказалъ: «во ш. в., а по ка-
просьбѣ, вы, сана, вернитесь назадъ домой». И сани какъ пти-
ца пошла летать. Емеля сталъ такимъ образомъ развѣзывать по
базару. Братьевъ его не было дома; они работали за стору-
Однажды онъ возвращался изъ лѣса. Народу было много шумелъ
и его хотѣли поймать. Они не могли его удержать, и онъ вѣ-
талъ много народу. Тогда услышать о немъ царь. И послалъ
днимъ. Принимъ за намъ. А онъ лежить на печкѣ и спитъ. Спа-
будить его. А онъ не встаетъ. Невѣстия его спрашиваютъ у
дей: «куда вы его зовете, для чего будите?» — «Царь, гово-
ривъ звалъ его; вотъ сколько народу онъ потопталъ, хочеть
трѣть его, что за такой человекъ, (который) ѣздить безъ лоша-
Емеля и говорить ямъ: «ступайте, я приду». Тѣ вышли и уш-

nef hśc4 i tuśc. A so-n aśti i udā- pečkala-ŋksa. Ufa-žynga kar-
ma-śc fānza eia-ikšnuma: aŋa-, Eme-la, ata čumy-s porŋat; mi-nik
ak čumyca-miž to-ū ġis, maks toŋ miŋ kiŋdi-diž. Ton tośc me-
el, šty mola-ta.—«Mon ġāni-fan!» Do-ñez nražy-nza. Son i mefa:
«š. v., a moŋ pro-žbasa, pe-cka kanda-mak iŋa-žyryŋt i-kiŋij,
eta kudyzy-nza». Pe-ckaś syrga-ś i toś burka-laks liŋa-ma i
dā-ś vi-eta iŋa-žyryŋt i-kiŋij. Iŋa-žyryś še ska-na ulŋi-ś tūžti-
nza ma-ŋta. Eme-la ŋeje-žā tūžtiŋi-nza i pek uš mele-zēnza tuś.
ko-ŋtā sala-va: «pa š. v., a moŋ pro-žbasa, te tūžti-riś uli-za
moŋ koža-jkama». Iŋa-žyryś karma-ś Eme-Iaŋ kaŋkšni-miŋza,
oda- son iŋa- jakū- viŋi-j alaŋftu-ma nu-rea, pāžgi-nza syŋd
i-ŋiŋiŋ, veda-nza sy-ŋc jak-i-ŋ. Saś soŋdā-nza pečkala-ŋksa, a
ma i koŋtā- fānza: «ton avy-ŋ šeŋ kā-ŋkšniŋ, koda mo-n jaka-n, a
sak-ŋk moŋdū-ŋ tūžti-rit koža-jkaks». Iŋa-žyryś pek kežē-jafē
nražy-nza i karma-ś soŋdo-mōnza, a iŋa-žyryŋ tūžti-riś i mefa:
«da-j, iŋa-k soŋua, mo-n mola-n fānza koža-jkaks; a biŋā ama-

Онъ лежить и спать на печкѣ. Невѣстки начали просить его:
«кушай, Емеля, а то попадешь въ нину; я насъ обвинить за тебя,
чтобы мы тебя удержали. Ты самъ скажешь, что пойдешь». —
«И уйду». Одолжи его невѣстки. Онъ и говорить: «по щ. в., а по
моей просьбѣ, ты, печка, принеси меня передъ царя, прямо въ
его домъ». Печка поднялась и пошла летѣть какъ... и остано-
вилась прямо передъ царемъ. Царь въ это время былъ со своей
женою. Емеля увидѣлъ его дочь, и очень она ужъ ему попра-
вилась. И говорить потихоньку: «по щ. в., а по моей просьбѣ,
я буду эта дѣвушка моей женою». Царь сталъ спрашивать.
Емеля, какъ онъ такъ ѣздитъ въ лѣсъ на саняхъ безъ ло-
ды, какъ дрова сами рубятся, недра сама ходятъ, какъ опъ
пошелъ къ нему на печкѣ. А онъ и говорить ему: «ты не
спрашивай о томъ, какъ я ѣзжу, а дай мнѣ твою дочь въ жены».
Царь очень разсердился на него и началъ его бранить, а цар-
иха дочь и говорить: «батюшка, не брани его, я пойду къ нему

kscamak, mon pñam poja-sa. Iñā-zryrś karma-s tā-χīrīāt a
korfa-ma; tā-χīrī-tis tānga āz la-dūy. Saśt kežē-nja, sa-jīā Eñe-
lāñ tā-χīrīrīt ma-rta, puty-ñja bo-čkas, pektō-ñja tožē-ñ, sa-
la-ftyā bocka-ñt i colda-ftyñja mo-čas, i juma-št be-ž vīst iñā-
zryrūt tā-χīrīrīs Eñe-la ma-rta iñā-zryrūt i-kīdā. I dññi- iñā-
zryrś, śñare syn kuly-št. No syn āst ku-la. Eñe-la tosa ndā
ndā. Nu, iñā-zryrūt tā-χīrī-ñtī tājīñs tosa du-šna bo-čkas
Karma-s Eñe-lāñ štāftu-ma; kojka-k syrgy-št i sa-lava ūet
«p. š. v., a moñ pro-žbasa; bo-čka līst o-strops pa-ra-ta-rkīñs šā-
dā, i šezēft tožē-jo. Bočka-s līst o-strops i šeze-līst. Syn līst bo-
ka-styāt. Iñā-zryrūt tā-χīrī-tis vanā- kosēja-k māzija-k ara-š, a
dik vīr i vīf. I ūeļa-ftā, koda- ūej karñi-t tesa āra-ma i mādē
karñi-t jarca-ma. A-vafdā i vanā- Eñe-la lank. A Eñe-la
škaññ salava i ko-rta; «p. š. v., a moñ pro-žbasa, tājī-vīza tes-
ku-da i-štama, koda-ma kosēja-k ara-š, i nli-st te-sa ištā-ti

въ жены; а если ты не отдашь меня, и себя повѣшу. По-
начать уговаривать дочь; дѣвушка не поддавалась ему подѣлю.
Онъ разсердился, схватилъ Емелю вмѣстѣ съ дочерью, положи-
ихъ въ бочку, занеръ туда, осмолилъ бочку и пустилъ въ
море, и исчезла безъ вѣсти съ глазъ царя Емеля вмѣстѣ съ
царской дочерью. И думаетъ царь: теперь ужъ они умерли.
Но они не умерли. Емеля спитъ тамъ и спитъ. Ну, царь-
ской дочкѣ сдѣлалось тамъ душно въ бочкѣ. Начала брѣ-
Емелю, кое-какъ онъ проснулся и потихоньку говоритъ: «ни-
когда, а по моей просьбѣ, ты, бочка, выйди на островъ, на са-
мъ лучшее мѣсто, и тамъ лопни». Бочка выплыла на островъ и ло-
пнула. Они выплыли изъ бочки. Царская дочь видитъ, что ни-
чего нѣтъ, только лѣсъ и лѣсъ. И грустить о томъ, что
они будутъ тамъ жить и что будутъ тѣтъ. Плачетъ и скоритъ
на Емелю. А Емеля въ это время потихоньку и говоритъ:
«по ш. в., а по моей просьбѣ, пусть сдѣлается здѣсь по-
домъ, какого надѣтъ нѣтъ, и пусть будутъ тамъ такіе сп-

ka-ti koda-tt ina-zyryūt kak ara-śś. Vot ina-zyryū tāžti-riś i
 Eme-laiñi; «koda- nej, korma-j, karma-tana šra-ma i ko-sa?»
 Eme-la i kortā tā-nza: «vėla-fta mākki-j i vanta koda-myška
 na dynko. Te vė-lafė. Pravdyj, išta-myška āščā ku-da, pačk nie-
 . I liśt tosta- mīñiñžu-nyñ sluga-t i čora-t i tāžti-ft i ava-t i
 mī šuky-ñakšnyť i ča-lkšnyť tā-st, suva-st kudy-ñti. Net tuśť
 kudy-ñti, Eme-la ina-zyryū tāžti-riūt ma-pta. A sluga-tūā moľe-t
 koma-t i ki-lā, koma-t uda-la, koma-t boka-va. Suva-śť ku-dyñti, a
 mī na potmō-za išta-myška va-dřa, a du-mavā a šo-rmaduřā jak,
 mōki jo-pksea jofta-vā; vāsi pačk zolōčeny, žerka-latnā Kažkšyš-
 nat. Oza-śť syñ stolekšc, i sluga-tūā karma-śť kačkšūi-mist, mā-ži
 nat šra-vi šimī-ma jarcama. Eme-la vāšč āščā-nza kapstaja-m do
 bre-čūā ka-ša dy pečka-sa pi-dif ka-tfa. A ina-zyryū tāžti-riś
 lafė: «dava-jti mōuñ mājizyk ulā vāšio. I Vospodi! māžā. šf
 nat, ačik na-rmyñ lo-fca a-rašil. Šimīśť jarca-śť i moľe-zēst pa-ra

мать пѣтъ в у царя». Вотъ царевна дочь и говорить Емелѣ:
 «какъ имъ теперь, кормилецъ, ставемъ жить и гдѣ?» А Емеля и
 говоритъ ей: «обернись-на назадъ и посмотри-ка, каковъ у насъ
 дворъ». Та обернулась. На самомъ дѣлѣ, стоитъ такой дворъ, все
 наизвѣстно видно. И вышла оттуда разные слуги и юноши и дѣ-
 вочки и женщины, и все кланяются и просятъ ихъ, чтобы они
 вошли въ домъ. Они вошли въ домъ, Емеля вмѣстѣ съ царской
 дочерью. А слуги идутъ, которые спереди, которые сзади, кото-
 рые по бокамъ. Вошли въ домъ, а тамъ внутренность его такъ
 широка, что не придумаешь и не опишешь, только въ сказкѣ
 можно разсказать; вся наизвѣстно позолоченная, зоркала какъ
 зеркало. Сѣли они за столъ, и слуги начали ихъ спрашивать, что
 имъ надо пить и ѣсть. Емеля попросилъ себѣ кашустныхъ щей
 и гречневой каши да картофелемъ, испеченнаго въ печкѣ. А
 царская дочь сказала: «давайте мнѣ все, что у васъ есть». И
 когда имъ чего они не принесли, не было только птичьего молока.
 Имъ и побили и мѣлъ (стало) пріятно, и дегли отдыхать. Царь-

i mačt ojme-seññā. Iñā-zyryñ fā-ŋčiriš avy-ŋ kuvat u-dyš. Šā tošna- ŋā-ŋza maŋā-vā. A Eñe-ŋaza u-dā. Tošna-ŋza a ki-maŋ ko-ŋtams. I karma-š son Eñe-ŋanza šta-ftuma. Še a šti-. «Mā štakšnan?» — «Štak, korta-tana!» — «Māšt korta-tana? Ki- ulā, jarcā-k šint mūžā ŋočeš, mūži tāt ā-ŋāvā vāšt, maksy-ŋ moŋ udu-mam saš. Udmam jā-vā, šesta štan. A ŋej māšt štak nan». Āri-t či, āri-t ku-fta, āri-t syñ i god. Eñe-ŋāñ jal' udmaza aja-vā, a iñā-zyryñ dā-ŋčiriš či ju-taž tošna-ŋ ja-la ŋā ba-vā. Karma-š son Eñe-ŋa laŋks ŋeñā-čama. Vot āri-t ištā god ka-fta. Iñā-zyryñ dā-ŋčiriš ja-la ŋeñā-ftā, a še ja-la u-dā. Vot iñā-zyryñ dā-ŋčiriš moš Eñe-ŋāññi i karma-š a-vaŋdž ŋā ŋeñā-lduma; «Šta-k, Eñe-ŋa, oštak-ŋ-ŋa eñā-ldan tāt. Tājiš tāt ŋa kona-ñ mon ŋeñde-t vāšca, a mūjā- ŋdy-k koda tāt pa-ra; ŋa kak aštā-ftan». Te ŋtanzy kāpi-džā i kāŋkšā: «Mā-ñ tāt «Mā-jiñ pro-žba, mūži tāt āŋā-vi tā-ŋims?» — «Dy vot māš tā-ŋčt moŋā-ñt troks ašd». Te sa-lava i mēŋā: «p. š. v., a moŋ pro-

ская дочь спала недолго. Встала, ей кажется скучно. А ей Емелю снится. Не съ кѣмъ разговорить свою тоску. И начала она бредить своего Емелю. Тотъ не встаетъ. «Зачѣмъ я встану?» — «Встань поговорить». — «О чемъ будемъ говорить? Хлѣбъ у тебя естьъ и вой чего хочешь, чего тебѣ нужно попроси, дадутъ, мнѣ хочется спать. Пройдетъ сонъ, тогда встану. А тогда зачѣмъ встану?» Живутъ они день, живутъ два, живутъ три годъ. У Емели все ае проходить его сонъ, а у царской дочери каждыиъ днемъ все приближается тоска. Начала она плакать на Емелю. Вотъ живутъ они такъ годъ и два. Царская дочь груститъ, а тотъ все спитъ. Однажды царекъ дочь полюбилъ. Емелѣ и начала со слезами просить его: «Вставай, Емеля, послѣдній разъ проищу тебя. Сдѣлай дѣло, которое я попрошу тебя, а затѣмъ спи какъ тебѣ угодно; ни разу тебя не побужу». Этотъ поднялъ голову и спрашивать: «Что тебѣ?» — «За просьба, что надо сдѣлать тебѣ?» — «Да вотъ что: сдѣлай мостъ черезъ море. Этотъ потахоньку и говорить: «мо- лод-

ama šaj-viza mošan tro-ks šijānšād zolōče-nyj čep vā-ldā. I tūš
mošan tro-ks šijānšād; zolōče-nyj čep vā-ldā nu-ŕgā. I tūš
mā-zyryū dā-ŕtīrīsšādga-ūt gulā-jama. A Eme-la šā-š i kama-š
māga-nga vannu-ma, ifa-za pra kodaja-k vā-c. Vanē vanē mā-ŕ-
ga-za; kuad a-šēš. I mā-zyryū dā-ŕtīrīs vēla-ŕē mā-kij. Eme-ŕa
vancy — āl-zy- ināzyryū dā-ŕtīrīs, i son tuji-ksyImadi-mā. Vancy-
mā-ŕga lo-mān i vanā- ŕi-cta āzynza. Te vānŕti-zā Ke-dēnza,
sejak vānŕti-zā, te čara-ŕtyzā ŕŕanza, šēja-k čara-ŕtyzā. Te i du-
mā: mā-jīn te loma-ū, sluga-t išta-tt arašē ku-cynza, ŕek vā
ama-zyj, ŕŕaza po-ndakš, a suma-ŕnā prok so-nga. I poŕks pana-
cynza išta-tt, kaŕnza jak išta-tt, i vanā- žorkala-vanē i duhā:
ā-ka, koda-myška ama-zyj te loma-ūis, mon avyŕlūā ŕek kaka.
Te kkaā suva-š ināzyryū dā-ŕtī-ŕis i duhā: «vanta-, koda- son
tū-rgaš apuk štaft», i kāŕkšti-žā: «Koda- ton, koŕma-j, šūt? Ālā
tja-k štaŕty-ŕžif?» — «Mon māŕga-t vauy-ū». — «Māš vā-nyf?»

« по моей просьбѣ, да сдѣлается серебряный мостъ на золо-
той цѣпъ черезъ море». И сдѣлался черезъ море серебряный
мостъ; онъ висѣлъ на золотеной цѣпѣ. И пошла царская дочь
идти по мосту. А Емеля всталъ и началъ смотрѣть за ней, что-
м она по упала какъ-нибудь въ воду. Смотрѣлъ смотрѣлъ за ней;
долго онъ стоялъ. Царская дочь вернулася назадъ. Емеля видитъ —
идетъ царская дочь и онъ пошелъ было лечь. Видитъ — передъ
нимъ человекъ и смотритъ прямо на него. Этотъ протянулъ руку,
и тотъ протянулъ. Этотъ повертѣлъ головой, и тотъ повертѣлъ.
Тотъ и думаетъ: «что это за человекъ, слухъ такіякъ нѣтъ въ его
ушѣ, очень ужъ онъ прекрасный, голова его лохматая, а зинулъ
лицо его. И штаны и рубашка такія же, и лапти такія же, и
смотритъ въ зеркало и думаетъ: «эка, какой некрасивый этотъ
человекъ, я бы и не смотрѣлъ на него». Въ это время вошла
царская дочь и думаетъ: «смотри-на, какъ онъ проснулся безъ
меня, чтобы его будили», и спросила его: «какъ ты, кормилецъ,
спитъ? Или кто-нибудь тебя разбудилъ?» — «Я смотрѣлъ за то-

— «Paliñ, vany-ñ avy-ñit pra od sādhiñt la-ṇkaṣa». — «A ñej mañ fā-jūñt? Māñt žefkala-styñt va-mnat?» — «Vana-n, mā-jññ-ñeñ ma-ñ to-sa, Ėek uñ ama-zyj». — «Da še ton, toñeñ čama-t toñ ñesa-ka». — «Nouže-li mon iśtam' ama-zyjan?» — «Da, iśta-ma-še-sta son i ñeñč Ėek: ep. š. v., a mon pro-žbasa, uli-zan ma-mazyj i ėfāvij; i čaji-ṇś mazy-j, ajefta(v)u-maška mazy-j i ėfā-vi-j. I karma-śt āfa-ma pa-ñčā. Āti-t nñči-t i vany-t, moñt la-ṇks, jaKi-t gula-jama. Vā ška-ñā vany-t — sy kara-bā. Sā sādhiñt vakse, moñe-ma fā-ṇga a ko-ṇ. Vot i divā, kate te sadi-ś saji-ṇś i ñeñā sluga-ñcy: «ñi-śta sādhiñt la-ṇka-ā-žika be-rekoṇ i kṇṇkśta tosta-, kodama iña-zyryñ te sādhi-ñt. Sluga-ś tiśč sādhiñt la-ṇks i tiśč āzganza be-rekoṇ. Sā be-rekoṇ, a be-re-ksēñt aśča iśta-myska kuda-, vā-si ṇṇusta-ñcy. Pa-čē ñejā. Suwaś ājzy-nza i kṇṇkśñā: «koda-ma iña-zyryñ te kudy-ś», a Eñe-ñā i ñeñā fā-nza: «a ton kija-t loma-ñi

бои?» — «Чего ты смотришь?» — «Я боялся, смотрел, чтобы не упала сь нового моста». — «А теперь что ты делаешь? Что выматриваешь вь зеркаль?» — «Я смотрю, что это там за человек. Ужь очень некрасивый». — «Да это ты, ты видишь отуде твое собственное лицо». — «Неужели п так некрасив?» — «Да, ты такой. Тогда окн в сказать громко: «по шучьему велению, а по моему просьбе, пусть буду я красивый и умный», и сдѣлался красивым, несказанно красивый и умный. И стали жить хорошо. Живут и животные и смотреть на море, ходить гулять. Одлажды видать подходят корабли. Подошел кь мосту, идти ему не куда. Вот удивляется, откуда этот мостъ изался, и говорить слугѣ своимъ «выходи-ка на мостъ, ступай-ка на берегъ и спроси-ка такого царя этот мостъ». Слуга вышелъ на мостъ и пошел по нему на берегъ. Пришелъ на берегъ, а на берегу видать такой большой домъ, весь хрустальный. Насквозь видать. Вошелъ вь него и спрашиваетъ: «какого царя этот домъ». Емел и говорить ему: «а ты кто такой за человекъ, откуда

«Иаа сыт теэб-н?» — «Ды мон vot i-štamы iна-зыряи, карма-š
«Инаа са-мај še iна-зыряиt š-са, kona- sonza bocka-a puty-žā.
«Кор јаки-дә?» Kāqkšā. šsy-nza Eme-Ia. «Ды јаки-ниk vāši car-
«vāšū vānu-ma. Pa-čkydūnik tej, vānta-na šād, a ju-tavat. Iна-
«rym kučy-miñ tej Kāqkšānā, Kiñ de šādī-š i štoby miñi-k al-
«nānā nolda-ghūniz». — «Mon ano-ldatadyž, a meñt iна-зыряti,
«kadyk tej zy». Te tuš iñakij kara-blañ i jošta-š iна-зыряuty.
«no-зыряš niš i tuš; meñt Eme-Iñiñ, šukynāš čānza, zdoro-vakš-
«š ma-rynza. Te oza-štyžā stolč-kšc i karma-š kava-ñamynza.
«Ava-nižā pa-šēti i karma-š Kāqkšū-iñinza: «kija-t, kor mola-t,
«kor јаки-t, māst jaka-t, niš li šjdi-t i šary šjdi-ta. Vāši Kāqkš-
«niž. Son čānza jala o-šēčā: «JaKiñ nastyra-nga, nastyryñ
«vānu-ma, gofa-u juma-ñiñnā. — «Da māji-ñ la-ryzyt gu-ža?
«Ie iна-зыряt, vāšimā tarka-t u-lū. Te i meñt: «Vot koda-my
«šam. Uñi-š vā-čhā šāčti-ñim». — «Nu štožy, uñi-š?» — «I

«принять сюда?» — «Да я вот такого царя», начал онъ разска-
зывать о томъ самомъ царѣ, который положилъ его въ бочку.
«Куда ѣздили?» спрашиваетъ его Емелі. «Да мы ѣдили осматри-
вать всё царства. Пошли мы сюда, видимъ мостъ, не перейдемъ
его. Мой царь прислалъ меня сюда спросить, чей это мостъ и
куда вѣсть пустын (пройти) подъ нимъ». — «И не пущу вѣсть, а
иди твоему царю, чтобы онъ пришелъ сюда». Этотъ вѣстель
пошелъ на корабль и сказалъ своему царю. Царь выслушалъ и пошелъ;
принялъ Емелі; поклонился ему, поздравался съ нимъ. Этотъ
сидялъ его за столъ и началъ его угощать. Угощая хорошо и
началъ спрашивать его: «кто ты, куда идешь, куда ѣздишь, за-
чемъ ѣдешь, есть ли у тебя дѣти и сколько у тебя дѣтей?» Обо-
имъ спросилъ его. Онъ ему все время отвѣчалъ: «И ходить не
могу, осматривать свѣтъ, погубить горе своею. — «Да что за-
че на тебя? Ты царь, у тебя все есть». Этотъ и говорить:
«вотъ каково мое горе. У меня была одна дочь». — «Ну, что же
еще». — «И вотъ у вѣсть тамъ нашелся такой дуракъ Емелі,

«ette-zā tūzga tāžtīri-nza. Son pek ūs radu-vaš. Karma-št tā-
 hāt tā-žtīt ava-rdīnā i pājdi-mā. Mājla tātās i kākštīza tāž-
 tīt: «Koda ton teze-ū godā-vīt? A ko-sa še dura-kyš?» — «Dy
 mī teska-na ka-vyñīka. — «Dy ko-sa son?» — «Du te sama-j
 oca» — «Ara-ždū te son?» — «Son». — «Ko-da son ištā. taji-ḡš?»
 — «Ištā. mašča. Se-sta ina-zyrys karma-št proše-nijān vašinā
 zme-lāā kecta. Mīdū-št, mājli gulā-jašt ki zda-sy žare. Mājli
 ma-zyrys tuš ku-dag, a syñ karma-št te-sa āfa-ma parētā. Karma-št
 pa-ra ula-šūñ kirdīnā i karma-št āsy-št vēžde. aīžni-mā. Vāška-
 m ardy-t vī-figa i mafa-syž vīfey-nē loma-mīñ va-ḡrij, prok kija-k
 ky-aga gra-bā ā-lā kinza. juma-ftyžā. Son lotka-š i knēy-zā
 ky-aga: «Azika. mujika, māsť son pī-žnā. Te tuš. Aīžnās,
 aīžnās vī-figañt, mās ku-šta lomať i kākštīnā. ā-syst: «tyñ mī-
 jnā tēda?» — «Dy mīñ, brat, pluč-jāvñīk. Uť pary lo-mañ,
 mī-mīz poža-lysta kila-ḡks. Neť šāñik kozē-ū pī-mš, koda-by
 mī-k vača akulu-mš». Son saji-ḡžā i vēte-ḡžā azy-rynga yakse.

и павали плакать и смиряться. Потом отец и спросил дочь:
 Как ты сюда пришла?. А где тот дурак?» — «Да мы здесь
 мы». — «Да с х о н?» — «Да это самый он!» — «Разве это
 он?» — «Он». — «Как он сделался таким?» — «Он так
 стал». Тогда царь начал просить прощенья у Емели. По-
 щрился, потом погуляли, кто знает сколько. Потом царь
 пришел домой, а они начали здесь хорошо жить. Начали
 ездить хороших лошадей и начали ездить на них бадить.
 всегда спячуть по хбсу и слышали из хбсу человеческий
 язык, точно кто кого грабить или кто дорогу свою потерял.
 он остановился и послал своего слугу. «Ступай-ка поиди-ка,
 кто он кричит». Этот пошел. Бздиль, бздиль по хбсу,
 слыть двух людей и спрашивают их: «вы что за люди?» —
 «а мы, брат, заблудились. Будь добрым человеком, выведи
 нас пожалуйста на дорогу. Покажи нам, куда выйти, как бы
 жажнамереть голодными». Он взял и поведь их к своему

Azy-ryś va-nā langy-zyst i sodò-nžā ka-vyniśt. I karma-ś asy ka-
ka-ksni-mā. «Tyń ko-stòntada? Mā-śt tija jaka-tada?» — «Miń va-
sy-ldyńtama. Miń jofta-synik, māsť tija- jaka-tana i kit miń loma-tik
Miń muži-kfana. Mi-nik ajsta uli-śť tji bra-ta. Tū ta-nyk ava-ny
mińi-k ka-vynik urva-kstyřiz, a kolmóeś uli-śť sedi od i pefefi-
Son iśta-k kudu-ys. I āfa-ś vā-ŷca ma-rynyk. Miń jaki-nik vūpe-
robóta-kšauima, a son ārciś ava-tiā ma-pta vā-ŷca ku-ca. Vī
ška-nā miń tuji-nik robóta-kšauima, a son kadu-ys kuc. Pa-s so-
dā, māsť son tā-jniś, buta vīfi-j alašaftu-ma nu-rey jakši-ś, o
narod tapa-ś. Iiā-zyrys āśta-nža tā-řdizā šeŋgi-s. A son by-
peckalaŋksa toj mólđ. Miń synik kudu-ŋ. Vanta-na, son ara-
Ka-ksni-tana a vatniń ġo-cta: «kosa son?» Syn ġere-t: «iśta- i
so-nža iia-zyr saji-zā». Mo-ŷeńek toj. Toj āzi-ñiz molda, a mē-
fāni-k, bu-ta so-nža bocka-sa moř-a noldē-ž. Vot iñi i tuji-
vāšni-miŋza. Merda-na: žyŋsta a-lā ku-lysta musy-nik. Jaki-
jaki-nik, āž mu-jiŋ. Mińc ka-k va-ča juma-kšnyñik vī-řc, pař-

хозяину. Хозяинъ смотритъ на няхъ и узналъ обоихъ. И на-
чалъ ихъ спрашивать. «Вы откуда? Зачѣмъ вы здѣсь ходите?»
«Мы издалека. Мы расскажемъ, зачѣмъ мы здѣсь ходимъ и
мы такіе. Мы мужики. Нашъ было три брата. Отецъ и мать
жизни нашъ обоихъ, а третій былъ помоложе и похолопнѣе. Онъ
остался холостымъ. И жилъ вмѣстѣ съ нами. Мы ходили ра-
ботать на сторону, а онъ жилъ вмѣстѣ съ женщинами въ домъ.
Однажды мы пошли работать, а онъ остался дома. Богъ знаетъ,
что онъ сдѣлалъ; ѣздая будто онъ въ лѣсъ на сѣнки безъ на-
шадъ и потонувъ народъ. Царь позвалъ его за это къ себѣ.
Онъ будто пошелъ туда на псачѣ. Мы пришли домой. Видя
его вѣтъ. Спрашиваемъ у женщины: «гдѣ онъ?». Онъ говоритъ
«такъ и такъ, его звалъ царь». Мы пошли туда. Туда вѣтъ
не пустили, а сказали намъ, будто его пустили въ боки въ
Богъ мы и пошли искать его. Говоримъ, идемъ его живымъ
мертвымъ. Ходили, ходили, не нашли. И сами мы погибли бы-
въ лѣсу голодными, снесябо вотъ этому доброму человеку. Онъ

«Sa te pa-ra loma-niñi. Son miñi-k muji-miz i lñi-miz». — «A van-ñiñi-k bra-tyñk?» — «Ešo by avy-ñiñi-k van! Čaj mo-da-da targa-ñiñi-k da vanu-ñiñi-k». — «Tyk vot vany-da, te sa-maj son bratyñk Enhe-Ia». Neť aka-mit a-synza: «Miñi-k braty-nyk avy-I iñta-ma». — «Dy sa-maj nione». — «Avy!» — «Tyñk bra-tyk pñiñta-za ulñi-s koda-myñak?» — «Ulñi!» — «Ko-dama?» — «Ka-ře ko-cenža pazyñ deško». Son sa-jizñ, šta-ftyža ka-ře ko-denža heřeža pazyñ tekšonñ. Va-neyž, pra-vdy son. Prašt iki-linga ke-nkala-ñksa i karma-ře radu-važ iki-linga rangu-ma i ava-ř-ñiñi. Son saji-ñž a-řtñga ka-ře-tas i murda-s ma-ryst mñkij ku-ñy i era-dyšt i karma-ře tosa-gulñ-jama. Gulñjast pek, řa-řñi-řt son-řt. Mon ga-k to-sa ulñi-ñ, mñřtñ vñna-da šimñ, usyu la-řga řa-řt, nu kuryž-zyn až ře-ññ jak. Syñ karma-ře řa-ma řa-řca. řa-myst tuš va-řta. Son řa-řt řa-řiř od gu-da, — va-řta ku-ñy, nu avy-I soñce-keñt koñda-ma, alamy-da ředi be-řa-ñ. řa-řt řa-řiř bra-tyñga i tošna-řt. Karma-ře řa-řt a-řsa provoža-řtuma

«Ах вывели и вывели». — «А хотели ли бы вы видеть вашего брата?» — «Еще бы мы не хотели его видеть! Чай, изъ земли бы вытащили да увидали». — «Такъ вотъ смотрите: и этотъ самый братъ ваптъ Емеля». Ты не вѣрять ему: «Иванъ братъ не та-кой». — «Да я самый». — «Штъ!» — «У брата вашего была ли жена правѣтина?» — «Была!» — «Какая?» — «На лѣвой рукѣ родилась. Онъ взялъ, открылъ лѣвую руку и показалъ роднику. Идетъ, справду онъ. Пази предъ нимъ на богины и начали ра-даться вопеть и плакать передъ нимъ. Онъ взялъ ихъ къ себѣ въ шету и вернулся съ ними назадъ домой, и отъ радостъ она на-чала такъ гулять. Гуляли много, съзывали людей. И я тамъ былъ, и въ вина былъ, но мнѣ усамъ текло, но въ ротъ не капнуло. И началъ жить въѣсть. Жизнь ихъ пошла хорошо. Онъ вы-шелъ въ новый домъ, — хороший домъ, но не сходный съ соб-раннымъ, а немного похуже. Пожилъ его брати и соскучи-лся. Началъ собираться домой. Емеля и говоритъ: «Да куда вы

kuda-g. Eme-lā i mořa; «Dy kog kudu-g molda-da? Toś kak ka-
dyňk pek vadfa-, mā-žyňk asa-tnā?» — «Ko-da māžyňk asa-tnā
Čaj zoda-sak, kua-koža-jkanyk mēla-feamiz. Mořa-na soda-fy-
ňik i jofta-taqa čast, šty ton žyva-t i afa-t pek pa-řčāa. —
«Afa-da tesk! Mon ano-ldatadyž. A soñč sa-lava kućč koža-jkanyk
mā-lga loma-tt. Neť te-sa mēla-fyt, a hēsēž bořšē baba-st. A ba-
ba-st ava-fdīt, mīrdi-st juma-šf. Drnk sašt fā-st lo-maff Eme-
lān Beldā i kortē-t: «Syrga-da, mīn mālga-ňk syñi-ka. Neť
kūňkšāit: «Kog?» — «Adā-dy kog uksta-dyž. Neť hēsē-ž, šty lo-
ma-tā i mā-žyňk Beldā, karma-šf lajšmā. Na, syrga-ms syrga-d.
Neť saji-ž i tu-šf mary-st. Moľēt moľēt kua-t ĩ kury-k ĩ. Ku-
ry-k jo-ukšēs joffe-vā, da avy-ĭ ku-ryk tāvi-š fāji-vā. Vāji-
va-lčkista Eme-lān bra-tyňa ščāšf i kortē-t: «Adā-, brat, ta-
na-nyk χyť strafm-syñik». Aščik ĩščf, vany-t sadga-ňt kīt lā-
syf. Karma-šf ućuma. Neť sašt mala-g. Vany-t i šālmi-st to-rtā
akā-mīf. Sašt synč kavyni-st baba-st. Syñč syť, syñč a-vāñi-

пойдете домой? И здѣсь у васъ хорошій домъ, чего вамъ не-
достаѣтъ?» — «Какъ чего намъ недостаѣтъ? Чѣй, ты знаешь, ду-
токують по насъ жены. Пойдемъ навѣстичъ ихъ в скамон-
имъ, что ты живъ и живешь очень хорошо». — «Идите здѣсь,
вамъ не пущу». А самъ онъ тайно послалъ людей за ихъ женами.
Они здѣсь грустить, не увидятъ больше своихъ бабъ. А ба-
ихъ плачутъ, — погибли ихъ мужья. Вдругъ приходятъ къ нимъ
люди со стороны Емели и говорятъ: «Собирайтесь, мы идемъ
за вами». Эти спрашиваютъ: «Куда?» — «Отступайте, куда мы васъ
повеземъ». Эти увидѣли, что тѣ люди отъ царя, и стали вонять.
Но собратъся собралъсь. Эти взяли ихъ, и пошли съ ними. Ша-
шли долго и скоро ля. Скоро сказка сказывается, да не сме-
дѣю дѣлается. Въ одно утро братья Емели встали и говорятъ:
«Иди, братъ, хоть тоску нашу разлѣбимъ». Только лишь выш-
видятъ по дѣсу кто-то идетъ. Начали ждать. Эти подошли бли-
видятъ и не вѣрять своимъ глазамъ. Пришли обѣ ихъ ж-
Сами идутъ, сами плачутъ. Повстрѣчали ихъ мужья, мужья об-

ka-čuvastyž ōmīdī-st, mīfīžnā radu-vašē, a baba-st tandra-čē, dūmī-t syoct kak Eñe-la la-ca vāši mīfīdīnī-k bocka-sa moñ-s ōñs-ayž. Nu mīfīžnā karma-št lači-nīst. «Māšē lajšī-fada? Mīñ sa-karma-tana āfa-ma. Bratynk kak tesa āfā. Sou tesa- iñā-zyrks». I karma-št āfa-ma vāžca. Ārāšē ārāšē, Eñe-lāñ baska-za vīrē i tādī-fīžā āšā-nza. I ara-ftyžū tarka-zynza. «Nu, čora-m, ank moñ ta-rkasa, kišt naro-dēñē ā-sa», a naro-dēñē pīřkaza-š: «Voč māšē, kulecy-nyda soda-mym āsa ištā, koda moñ ā-sa kulcy-nyda. I soñē mājla-kury-ksta kuly-š, a Eñe-la kaduqš tarka-zynza iñā-zyrks, a braty-nza kadu-qēš āfa-ma tosk i kiřdī-t ka-vañist vā-žca še ma-styryūt ā-sa i vāši ōnej āri-t peķ ōča-s-ogsta.

Южкс.

Ārāšē āšē āfa-t baba-t. Ājdī-st kakšy-st ara-šīfē. Āfa-š tuš āfa-ma, baba-š karma-š čeyksē-ñ la-znyma, kafi-žū peķka-nza,

жились, а пхъ бабы испугались, думаютъ, что п нхъ, какъ Емею, въ кушьяни бросятъ всѣхъ въ бочкѣ въ море. Ну, мужья стали въ утѣшать. «Отчего вы вопите? Мы будемъ здѣсь жить. И какъ братъ здѣсь живеть. Онъ здѣсь паремъ». И пачали жить вмѣстѣ. Жили жили, Емелянъ тестъ состарился и позвалъ его (Емею) къ себѣ. И поставилъ его на свое мѣсто. «Пу, сынъ мой, ни на моемъ мѣстѣ, держи народъ»; а народу онъ приказалъ: «Вѣдь что, слушайте моего зптā такъ, какъ вы слушали мѣшл». «Самъ онъ скорѣ померъ, а Емею остался паремъ на этомъ мѣсто, а братья его остались жить тамъ, и вдвоемъ держать вмѣстѣ ту землю, в себѣ живутъ теперь очень счастливо.

Сказка.

Жили были старикъ и старуха. Дѣтей у нихъ не было. Старица пошла нахать, старуха начала кичотъ лучину, обрѣзала себѣ

puty-žā pečurkas, karma-s pačalksīn piči-mā. Vā-žka pačalks
pidī-s atā-nī, ombō-čū pidī-s baba-nī. Pelka-s kortā. pečurka-
«a moñā-ū, ava-j, māžā- pida-t?» Baba-s karma-s vā-sīnā: «
šajra-ava-j moñā-ū, uli-za moñ son čora-ma. Tagy- karma-s
ča-lksīn pičiñā, teñ atāñti, a teñ baba-nī. Taga- pelka-s
gi-č: «Ava-j, moñā-ū māžā?» Potō-m baba-s muji-žā kafa-i
ka-ŋza. So-n pečurka-sa ačči- čō-tēneks. «Ava-ja, mēfē baba-ñ
«vod mon ulā-n tyŋk čora-ŋk. Vot nej mola-n, pača-lksit kanda-
fātā-nū soka-ma tarka-s». Baba-s vačka-s si-sīn pača-lksit, pa-
mē-šekkes, kučy-žā kandy-ma atā-nī pača-lksīn so-kama ta-ŋka
Kandyžā pača-lksitāñ atāñti so-kama ta-rkas. Atā-s i mē-
«Ko-sta toñ Vefepa-zyš moñā-ū kučyžif?» — «Kuči-niñ mo-
avn-m, toñ koža-jkat: kafi-žā pokš pe-ŋraŋza, puty-žā pe-čurka-
i mon šajvīñ čō-tēneks. Son i mēfē moñāñ: aži, čoran, pača-
sīñ ga-ndyma toñ-t fāññiñ. Jata- Ki-javanť bo-jar. Čorč-

большой палецъ, положила его въ печурку, начала печь блины. Одинъ блинъ вспекла старику, другой вспекла старухѣ. Палецъ говорить въ печуркѣ: — «а мнѣ, матушка, что испечешь?» Старуха стала всматривать: «Кто кричать мнѣ матушка, да будетъ онъ мой сынкомъ». Опять начала печь блины — этого старику, а этого старухѣ. Опять палецъ крикнулъ: «Матушка, мнѣ что?» Потомъ старуха нашла отрѣзанный свой палецъ. Онъ сидитъ въ печуркѣ какъ мальчикъ. «Матушка», говорить онъ въ печуркѣ: «зотъ буду вашимъ сынкомъ. Вотъ теперь я пойду, отвесу блины, а ты топкѣ на мѣсто пашни». Старуха положила семь блиновъ, положила ихъ въ мѣшокъ, послала его отнести старику блины на мѣсто пашни. Принесъ онъ блины старику на мѣсто пашни. Старикъ и говорить: «Откуда тебѣ Всевышній ко мнѣ прислалъ?» «Меня прислала мать мол, твою жену: она обрѣзала свой большой палецъ, положила его въ печурку, и я сдѣлался мальчикомъ. Она и сказала мнѣ: ступай сытъ мой, отвеси блины тебѣ, моему сынку». Подорогъ проходилъ барникъ. Мальчикъ сказалъ: «Я

arč: «Boja-ryńt mon dra-žnińš; boja-ryš nejmenš; mon miji-mak bojaryńš. Ačas miji-žš boja-ryńš. Boja-ryš maksé nišš valkst arba-k aščińš. Ašš-š maksyžš pe-ika čoréneńt bojary-ńš. Boja-ryš miji-žš jarma-k sandyky-zynža, pe-kstéžš čoré-neńt. Sandykyńt čoré-šes ašči-š ža-ro tosta-muš buragńš. Sandykyńt peš-žš rafavańt jarmaky-nža boja-ryńt kajši-ńžš i sońč šiš vafa-vańt. Jarma-kynža boja-ryńt purny-ńžš i šafanctyj kandy-ńžš čoré-neš, jarma-št afa-ma i ašči-mš, i nejga-k aši-t i ašči-t i aši-t i ašči-t.

Записано отъ крестьянина 30 лѣтъ.

Юркс.

Sedki-lš Tro-šenińš ro-cta nli-š vā-žki čo-ra. Tafa-nža kaza kaly-št, a son ka-dunš kava-šija go-ca. Aši-š ska-mynža jarma-kynža uli-t i šury-za ulš i šši pary-žiza nš, muški-m čoré-žaza ara-š. Ašš-š ištš son kolmy gott i duma-š niva-mma, da ta-gy pešš, gu-řkaza peš pokš; du-mš: «koda-k u-f-šatan šyš-šca i ku-lš». Meš-šš. Vā škašš tuš vitiš, kava-š šš i šyrga-š mliki-j kudn-š. A ala-šyniza nli-š beššš, be-ššš ššš. Son i du-mš: «Mššš, varča-sa te e-ššš. Son peš beššš,

маленький барина; баринь меня андѣль; продай меня барину». Баринь продалъ его барину. Баринь далъ старику четьре рубля денегъ. Старикъ отдалъ мальчиш-пальчика барину. Баринь взялъ, и свой денежный сундукъ заперъ мальчика. Мальчикъ немного сидѣлъ въ сундукѣ, напелъ буравчикъ. Онъ пробурывалъ сундукъ и въ дыру побросалъ деньги барина, и самъ вышелъ въ светъ. Мальчикъ собралъ деньги барина и принесъ ихъ отцу. И стало жить и поживать, и теперь также живутъ и поживаютъ.

nu ala-ša. Bidi son čidā-rdā, to para avaja-k čidā-rdā, a bidi an
aci-dārdā, še-sta avaja-k aci-dārdā. Kušē-pe-fetkalayks i karma-
joksta-ma. Koda-k jo-kstēžā, ala-šas praš iki-lēn pilgīlayks, a
souža- uš šādi-jza ūž gīft i karma-š ņeŕge-mā. ņerks, ņerks, vald
Vanā, ala-šaza ka-lys, i dūmā: «nu, an-ŕvakstan». Sas kudu-
kīniūga-k ūž jo-ftā i karma-š āfa-my ška-mynža. Āfa- god, kad
kolma, an-ŕvakstā; kāpkšni-t, mās, a jo-ftā. Vā škānā mō-
syripačā-nety. Syripa-taza kavanīžā, šinīdi-žā vi-nada; ala-my
a-lamy-š šinīdi-žā pek. Son ifi-č, Ŧe i karma-š āsryža kāpkšni-
«Mā-ks ton an-ŕvakstat, Dri-ga, koda isfa- škamy-t āfa-t? Pary-
nā, a kudyju-rcēt avaloma-š ara-š. Uŕva-kst, čāvi-t lučy ulā-
«Mon ŕva-kstunlū, patā-j, da mo-čā-š ņe-žā ŕva-kstums. —
«Da mās, jala-kski-š?» — «I-šfak». — «Naf, avy-l iškak; mās
kak, da uš ulā. — «I-šfak». — Pafā-š futi-š, mās son ajo-
karma-š taga- vīna-da šinīdi-mynža. Šinīdi-žā pek i tagy ku-
mas kāpkšniūga. «Da mās ton, jala-kski-š, ajo-ftat? Čaj mon-
avy-l čužy-jau; kīniūga-k ajo-ftan žra, a možy mājija-k tāt pur-
tā-jau; možy gulka-t ama-štuvā mās ka-k?» — «To-ta, patā-
ama-štuvā. — «Da mās ama-štuvā? mājija-š ama-štuvā? Jo-
leča-sy-šnik mo-ža». — «Dy ko-du leča-sy-šnik, patā-j, jo-ftams ū-
vi-cta, lakši-sy-šnik štolā?» — «Da mās ūra-vā lakši-ms?» — dy
vot mās; pek pokš». — «Vot eščo ū-vaš, to-čā-t pokš, a ava-šni-
pek pa-ra». — «To-ta, avy-l pa-ra». — «Dy ton varčni-š štolā?» —
«Varčni-š māj-šni varčni-š, dy soda-ms soda-sa». — «Māj-šnik
azda-t! Ton va-čika; požalēj, eščo mo-čet — viški-nā». — «Naf
patā-j; jo-fta-ms tāt vīcta, mon varčni-š». — «Nu māj-šni māj-šni
varčni-š». — «Dy māj-šni, māj-šni, dy ki-šni varčni-š?» — «Dy māj-
ajo-ftat, jo-fta-k; moža loma-šni ūl-šni be-šni». — «Dy ūš kyda jo-
ta-ms tāt pravda-sta, ton sodēlek ka-čej e-lde-šni?» — «Sodēlek
māj-šni māj-šni?» — «Dy vot māj-šni; ūl-šni-š mon vī-čā i dūmā; ala-
šas vīdā ūl-šni be-šni; mon i duma-n: bidi fe e-lde-šni aka-lā, to
para avā- čidā-rdā, a bidi fe aci-dārdā, še-sta kodamyja-k
aci-dārdā. — «A māj-šni?» — «Dy māj-šni vot māj-šni: kuži-š lary-
zy-ža, to-ŕge-šni, son praš, āfa-vy-l tāt valgu-ms, a mon tāt

sta-ms aihä-zä. Sa-jitää, dy ču-ramym jokstë-nä. Kartiin ala-bu pa-nimä. Son to nocko-flä, to lotkä. Mondä-n pek marä-s. Kežä-zaš; koda-k zadla-rga äškiin ku-laksa son prokle-tën, kodak päšä dy vieta moň gulka-päla-rga. Ištä-k i čapaüt vidga priüt še-žä. Vot nej mäšt zočyš, neň i šajni-ž. — «Dy moža přaftu-majak šäš tuji! Dava-j varča-synik». — «Nuža-za mäžä? dava-j varča-synik». — I karma-št varčäni-ninža. Varčiz vüšt, kapkšt i kol-mokšt. Ava-üt mäle tuš, a čora-üt i vojši. Mä-jlä šävi-s kyda tuš päčä-š, ava-s i mäšä. «Dřiga? Přäš čaj uliáš surkaštyň kuval-myza?» — «E-na mäžä? Uliš». — «Ež, modava-šanit pačk tuji-za, nej ulivikdä-fä kašty kolmasurda kua-ka lučšy. Paryčš kak vüš juma-vyř i to šekak lučšy. A to nej krajga-jo-žä i tovo-lga-jedä, a prok mäži biđi eščo tovo-lož asa-tä. Še-sta Dřiga- karma-š kšäni-mä syři pařanoty, a babaza kuluma-zynža äřdi-kšäniš še ku-ře-j e-läčueňt.